

Геррон
восхитительно
циничен, и тексты
его полны
мрачного юмора.

**Бернард
Корнуэлл**

МИК ГЕРРОН

ХРОМЫЕ КОНИ

Стильно, злободневно, захватывающе. **Guardian**

Большой роман

Мик Геррон

Хромые кони

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Геррон М.

Хромые кони / М. Геррон — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-20621-2

Мика Геррона называли «Джоном Ле Карре нашего времени» и новой надеждой британской литературы, сравнивали с Рэймондом Чандлером и Кингсли Эмисом, Ивлином Во и Грэмом Грином, Элмором Леонардом и Джозефом Хеллером. Герроновские романы – это «смешная, на грани фарса, изумительно циничная карикатура на политиков, функционеров, междоусобную грызню и Большую игру» (Booklist), а «хромые кони», они же слабаки из Слау-башни, – это проштрафившиеся контрразведчики, наказанные «за пристрастие к наркотикам, алкоголю или распутству; за интриги и предательство; за недовольство и сомнения; а также за непростительную оплошность». Надзирает над ними Джексон Лэм – «Фальстаф наших дней» (Sunday Times) и «один из самых монструозных персонажей в современной литературе» (Бернард Корнуэлл). Но, как известно, бывших «Конторских» не бывает, и каждый слабак, занимаясь бессмысленной канцелярщиной, мечтает оправдаться, вернуться на оперативную работу в Риджентс-Парк. А когда террористы похищают подростка и угрожают отрубить ему голову в прямом эфире на «Ютубе», слабаки не собираются сидеть сложа руки... По первым книгам цикла «Слау-башня» запущен в производство телесериал (два сезона сразу), съемки велись в 2020–2021 гг. Роль Джексона Лэма исполнил Гэри Олдман, также в сериале снялись Джек Лауден, Оливия Кук, Джонатан Прайс, Кристин Скотт Томас, Кристофер Чунг. Постановщиком первого сезона выступил Джеймс Хоуз («Мерлин», «Черное зеркало», «Доктор Кто», «Алиенист», «Воспитанные волками»).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20621-2

© Геррон М., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

1	12
Часть первая. Слау-башня	18
2	18
3	36
4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мик Геррон

Хромые кони

Памяти DA, SC, AJ и RL

проистекать тебе кто люб как светляку свече заблудшей¹

Mick Herron
SLOW HORSES

Copyright © 2010 by Mick Herron First published in the UK by Constable, an imprint of Constable & Robinson, in 2010

The right of Mick Herron to be identified as the author of this work has been asserted
All rights reserved

© В. А. Шумов, перевод, 2021 ©

Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Знаете, мне уже посчастливилось сыграть Джорджа Смайли, и поэтому играть теперь еще и Джексона Лэма в экранизации романов Мика Геррона – в своем роде наследника Ле Карре – это просто потрясающе.

Гэри Олдман

Первая часть эпопеи о МИ-5 и одном из самых монструозных персонажей в современной литературе – Джексоне Лэме. Геррон восхитительно циничен, и тексты его полны мрачного юмора. Я бы до такого просто не додумался.

Бернард Корнуэлл

Мик Геррон – это Джон Ле Карре нашего времени.

Вэл Макдермид

Безупречные диалоги, безукоризненное развитие сюжета.

Иэн Рэнкин

Мик Геррон изумительный писатель, и если вы его еще не читали – обязательно почитайте. Романы о Джексоне Лэме я глотал один за другим и сейчас жду не дождусь продолжения; они остроумны, мрачно смешны и чрезвычайно увлекательны.

Марк Биллингем

Мик Геррон – один из лучших писателей своего поколения.

Стив Кавана

Отточенный слог, безупречно выписанные персонажи и неизменная проникновенность изложения делают цикл романов Геррона самым захватывающим из всего, написанного в этом жанре со времен холодной войны. Он великий юморист среди мастеров шпионского романа,

совмещающий невообразимые ситуации с искрометными и смешными диалогами и изящным, остроумным авторским стилем.

The Times

Смешно, стильно, злободневно, захватывающе.

Guardian

По сравнению с язвительным Герроном романы Ле Карре выглядят сусальными сказками. Мало кому удастся превзойти Геррона в остроумии, злободневности, осведомленности и в этом чисто английском умении – прятать самые сокровенные чувства под маской холодной усмешки, прежде чем вдруг врезать читателю под дых.

Daily Telegraph

Цикл книг Мика Геррона об обитателях Слау-башни тихой сапой занял место среди величайших произведений о жизни сотрудников спецслужб в истории мировой литературы, а грядущая экранизация с участием Гэри Олдмана принесет Геррону и его персонажам всемирную известность.

CrimeReads

Основной движок хитро закрученных книг Геррона, от которых трудно оторваться, – это остроумные, ершистые и афористичные диалоги персонажей. Комизмом эти романы во многом обязаны зоркому авторскому взгляду на то, как оперирует бюрократическая машина и в корпорациях, и в спецслужбах. Атмосфера Слау-башни скорее напоминает мир Дэвида Брента из сериала «Офис», нежели Джеймса Бонда.

The Associated Press

«Хромые кони» – качественный триллер и смешная, на грани фарса, изумительно циничная карикатура на политиков, функционеров, междоусобную грызню и Большую игру. Совмещая мастерски выписанные диалоги с внезапными остросюжетными сценами, Геррон, подобно Элмору Леонарду, заставляет читателя своих триллеров (жанр, не особо блистающий остроумием со времен Бонда) смеяться и плакать практически одновременно.

Booklist

Мик Геррон прокладывает собственный путь в жанре саспенса. В его произведениях никому не удастся спрятаться под письменным столом.

The New York Times Book Review

Рецензенту нечасто приходится писать: «Ничего подобного вы раньше не читали!» – однако в случае Мика Геррона данный панегирик вполне уместен. Стиль автора уникален для данного жанра: это атмосфера романов Ле Карре, преломленная через призму мрачного юмора Джозефа Хеллера и его «Уловки-22»... мастерское изложение и самобытный юмор.

Financial Times

Романы Мика Геррона – это сатирическая летопись Британии наших дней. С шокирующим злорадством в них начертана траектория развития современного общества.

Economist

Смех с горчинкой и мастерская многоплановость.

Independent

По стилю это напоминает Рэймонда Чандлера, с той лишь разницей, что Геррон держит свои сюжетные линии в куда более крепкой узде, чем это когда-либо удавалось Чандлеру. Его диалоги бесподобны, он мастерски владеет ритмикой подачи – от слова к слову, от фразы к фразе. Его речь создает собственную вселенную, где элементы злого смеха и тоски мешают расположиться слишком комфортно. Как все хорошие прозаики, он сооружает реальность особого, собственного толка и заставляет читателя принять ее.

The Spectator

Самый увлекательный шпионский триллер за многие годы и лучший детективный цикл текущего тысячелетия.

Mail on Sunday

Восхитительно... сарказм в духе Ивлиана Во и Грэма Грина. Джексон Лэм (Фальстаф наших дней) – самый поразительный и неотразимый герой со времен Джека Ричера.

Sunday Times

Стильно и захватывающе.

Washington Post

Славные подвиги, бесславные провалы, разборки, оборачивающиеся налетами, и лихой сюжет, от которого невозможно оторваться.

Esquire

Мастерский триллер... Хитроумный сюжет и живая манера изложения превращают книгу Геррона в первоклассное шоу, в сравнении с которым большинство других произведений в жанре саспенса кажутся бледноватыми и туповатыми. Возможно, на сегодня в английской литературе Геррон – самый эрудированный и самый ушлый создатель триллеров.

Publishers Weekly

Крутой стеб над традиционным романом из жизни агентов британских спецслужб.

Crime Writers' Association

Лучший современный роман о британской разведке.

Daily Express

Мик Геррон, как все великие писатели, непостижимым образом умеет внушить читателю, будто тот – единственный собеседник автора и единственный адресат его откровений. Как Ле Карре, но меньше мажоров и невероятно смешно. Мик Геррон знает свое дело.

Irish Times

Несомненно один из лучших шпионских романов за последние двадцать лет.

Metro

Обладая способностью поэта подмечать мелочи, инстинктом эстрадного юмориста и пристрастием к сценам насилия, Мик Геррон занимает зияющую нишу, опустевшую с уходом на покой Лена Дейтона.

Daily Telegraph

С восторгом обнаружил, что это лишь первый из целой серии захватывающих романов.

Herald

Очаровательная находка: цикл мятежных романов Мика Геррона о «белых воронах» британской контрразведки.

Big Issue

Геррон вплотную приблизился к весовой категории Грэма Грина.

Daily Mail

Если хотите почитать что-то действительно захватывающее, возьмитесь за цикл романов Мика Геррона о Джеконе Лэме и его шайке разведчиков-отщепенцев, пытающихся вырваться со служебных задворков. Начните с «Хромых коней» и наслаждайтесь дальше.

Observer

Цикл романов Геррона о похождениях профнепригодных контрразведчиков, называемых в профессиональной среде «слабаками», провозглашен самым удивительным открытием в данном жанре с тех пор, как Джордж Смайли убрал свой макинтош в дальний шкаф.

Mail on Sunday

Помимо их восхитительного юмора, произведения Геррона нередко завораживают, часто заставляют задуматься, а порой трогательны и даже вдохновенны.

Sunday Express

Недюжинный рассказчик, Геррон мастерски выстраивает повествование. Язык его местами строг, а местами возвышенно лиричен. Остро сюжетные сцены стремительны, а реплики персонажей смешны, или грубы, или зловещи: у каждого есть собственный голос. Геррон владеет всем литературным инструментарием, и сюжеты его сработаны так ладно, что стыки едва ли можно заметить.

Book and Film Globe

Потрясающе правдивое изображение современной британской политики.

Kingdom Books

Геррон лучше кого бы то ни было описывает трагикомизм повседневного противостояния спецслужб и бюрократического аппарата.

Kirkus Reviews

Геррон примечателен своей способностью точно описывать абсурдные ситуации и внутренние конфликты института спецслужб, действующих в центре очагов напряженности и горячих зонах XXI века.

Los Angeles Review of Books

Писательское мастерство Геррона поражает... Необычайно увлекательное повествование...

CrimeReview.com

Геррон жонглирует штампами шпионского романа и триллера, а его повествование, блестящее язвительными остротами и сатирическими описаниями, достойными Ивлиана Во и Кингсли Эмиса, с одинаковой легкостью переходит от напряженных сцен к лирической элегии. Здесь присутствует и интрига, и шпионские страсти, и чисто английский сдержанный юмор, и вульгарные шуточки. Его воображаемая МИ-5 включает в себя зловещие подковерные игры, плещущий через край цинизм, злорадный сарказм и, самое главное, достоверных, пусть и совершенно фантастических, персонажей. Все это щедро сдобрено черным юмором, а внешность и поведение действующих лиц настолько невероятны, что и в любую другую эпоху их сочли бы чрезмерным преувеличением. К счастью (или к великому сожалению, в зависимости от точки зрения), действительность продолжает снабжать автора неисчерпаемыми материалами для последующих романов, и можно только надеяться, что он применит к ним свой особый талант.

The Wall Street Journal

Геррон объединяет героев, места и события в захватывающую смесь, сравнимую с лучшими романами Джона Ле Карре или Лена Дейтона. Прочтешь одну книгу цикла, и сразу же захочется прочесть все остальные.

The Globe and Mail

Цикл романов, включающий в себя все самое привлекательное – острую сатиру, черный юмор, многогранных персонажей и стремительно развивающийся сюжет.

The Cleveland Plain-Dealer

Геррон – тонкий стилист, умело совмещающий ироническую комедию и напряженное остросюжетное повествование.

The Seattle Times

Смешно и увлекательно... триллер, верный духу времени и написанный гораздо лучше многих современных шпионских романов.

St. Louis Post-Dispatch

Искусно балансируя на грани между сатирой и диффамацией, Геррон создает выдуманных персонажей, в которых при желании угадываются черты реально существующих общественных деятелей. Стил повествования без видимых усилий переходит от высокого к низкому, но больше всего привлекает живость диалогов: сценаристам будущего телесериала почти нечего менять. Геррон пишет с неподражаемым юмором и ловко закручивает сюжет.

Guardian

Завораживающий цикл романов, один из самых изумительных за последнее время, действие которого происходит в основном в Лондоне. Он очаровывает своей абсолютной злободневностью, неприкрытым скептицизмом и в то же время оптимистичным настроением.

The Arts Desk

Для всех, кто интересуется жанром триллера, романы Мика Геррона из цикла «Слау-башня» занимают одну из верхних позиций в рейтинге. Геррон не только прекрасный стилист, но и мастер великолепных комических диалогов.

Literary Review

Будто Филип Ларкин или Алан Беннетт решили взяться за остросюжетный жанр.

Sunday Times

Если бы Слау-башня на Олдерстейт-стрит существовала на самом деле, то могла бы стать такой же достопримечательностью литературного Лондона, как «Лавка древностей» на Портсмут-стрит.

Evening Standard

1

Со скаковой дорожки в слабаккое стойло Ривер Картрайт угодил следующим образом.

* * *

Утро вторника, время восемь часов двадцать минут. На вокзале Кингс-Кросс было полным-полно тех, кого С. Ч. именовал «другие». «Нестроевой люд, Ривер. Вполне респектабельный род занятий в мирное время». После чего следовало дополнение: «А мирное время закончилось в сентябре четырнадцатого».

Манера изложения С. Ч. заставляла Ривера представлять это числительное как MCMXIV.

Он остановился и сделал вид, что сверяется с наручными часами, – маневр, который выглядит один в один как всамделишная сверка с наручными часами. Его, будто валун посреди течения, омывал поток пассажиров, выражая недовольство цыканьем и раздраженным фырканьем. У ближайшего выхода – белесое пятно, откуда пробивался тусклый свет январского утра – застыли словно статуи двое умельцев, с ног до головы в черном и при полном боекомплекте. Нестроевой люд, который с 1914 года всякое повидал, не обращал на них никакого внимания.

Умельцы, прозванные так за то, что умеют довести любое дело до конца, держались на порядочном расстоянии, согласно регламенту.

Объект был в двадцати ярдах перед ним. «Белая футболка под синей рубашкой», – чуть шевеля губами, повторил Ривер. Теперь на предоставленный Пауком костяк ориентировки можно было нанизывать дополнительные данные: мужчина, молодой, ближневосточной наружности, рукава синей рубашки закатаны, черные джинсы новые, топорщатся на сгибах... Кому придет в голову отправиться на подобный променад в обновке? Он мысленно отложил это наблюдение в сторону: проанализировать позже.

С правого плеча объекта косо свисал рюкзак, выдавая ощутимый груз. К уху тянулся проводок, как у Ривера. Возможно, айпод.

– Подтвердите визуализацию объекта.

Ривер левой рукой коснулся левого уха и тихо сказал в «пуговицу» манжеты: «Подтверждаю».

В главном вестибюле толпились туристы. Судя по расстановке чемоданов, они заняли круговую оборону. Ривер обогнул их, не спуская глаз с объекта, который направлялся к добавочным платформам, откуда уходят электрички на Кембридж и по восточным направлениям.

Как правило, не такие забитые, как идущие на север скоростные поезда.

Перед глазами возникли непрошенные картины: куски покореженного металла усеивают несколько миль вдоль исковерканного полотна, в полосе отчуждения дотлевают кустарник, увешанный мясными ошметками...

«Всегда следует помнить, – говорил С. Ч., – что самое худшее порой все-таки случается».

Последние несколько лет самое худшее случалось все чаще.

Двое из транспортной полиции, стоящие у турникетов, проигнорировали объект, однако заинтересовались Ривером. «Не приближаться, – мысленно предупредил он. – Даже не вздумайте ко мне подойти». Из-за подобных мелочей срываются операции. Сейчас ему не хватало только громких препирательств с полицией или еще чего-нибудь такого, чтобы спугнуть объект.

Полицейские продолжили прерванную беседу.

Ривер взял паузу для мысленной перегруппировки.

Молодой человек по имени Ривер Картрайт был среднего роста, светловолос, бледен с лица, с серыми, иногда задумчивыми глазами, слегка заостренным носом и маленькой родинкой над верхней губой. В моменты напряженного размышления он морщил лоб, что некоторыми воспринималось как признак растерянности. Сегодня на нем были синие джинсы и темный пиджак. Однако попроси его кто описать свою внешность этим утром, он упомянул бы еще и стрижку. В последнее время он повадился ходить в турецкую цирюльню, где его коротко остригали ножницами, а затем опаляли уши открытым пламенем. Без предупреждения. Из кресла Ривер вставал отдраенным и прошпаренным, что твой парадный порог. Даже сейчас череп холодило на сквознячке.

Не сводя глаз с объекта в сорока ярдах впереди (а точнее, не сводя глаз с рюкзака), Ривер снова сказал в манжету: «Веду. На дистанции».

Если взрыв в вагоне был наихудшим из вариантов, то вторым худшим был взрыв на платформе. События последнего времени продемонстрировали, что люди наиболее уязвимы по дороге на работу. Не потому, что незащищенней, а просто потому, что их всех много вместе, битком, в замкнутом пространстве.

Ривер не оглядывался, уверенный, что умельцы в черном не отстают.

Слева расположилась череда кофейных и бутербродных киосков, пивная, ларек с пирогами. Справа вытянулся длинный состав. Вдоль платформы, через равные промежутки, группки отъезжающих загружали чемоданы в вагоны, а над ними с балки на балку перронного навеса шумно перелетали голуби. Из громкоговорителя раздалось объявление, и толпа ожидающих в зале, за спиной Ривера, стала набухать и расползаться, расчлняясь на отдельные тела.

На вокзалах всегда присутствует ощущение подспудной, взрывной энергии толпы, ждущей своего часа. Люди – это фрагменты расчлененной толпы. Просто они об этом пока не догадываются.

Объект скрылся в толкотне пассажиров.

Ривер взял левее, и объект снова возник в поле зрения.

Ривер миновал кофейню, и вид сидящей за столиком пары вызвал в уме картинку. Вчера в этот час он был в Ислингтоне. В программу квалификационной аттестации входило составление досье на общественного деятеля. Риверу достался теневой министр культуры, но тот немедленно схватил два микроинсульта и теперь отлеживался в частной клинике в Хартфордшире. Так как процедура привязки резервного объекта, судя по всему, не была прописана в регламенте, Ривер выбрал его по собственному усмотрению и в течение двух дней непрерывно, и не будучи обнаруженным, вел слежку за Леди Ди: офис-спортзал-офис-винотека-офис-дом-кофейня-офис-спортзал... Вывеска кофейни напомнила об этом. В голове зазвучал строгий, одергивающий голос С. Ч.: «Сосредоточься. На задании. Там же. Так?»

Так.

Объект взял влево.

– Поттервилль, – пробормотал Ривер.

Он прошел под эстакадой и тоже повернул налево.

На короткий момент над головой мелькнуло небо – сырое и серое, как тряпка, – и Ривер вышел в боковой вестибюль, от которого отходят девятая, десятая и одиннадцатая платформы. Из стены тут торчала половина багажной тележки: от платформы 9³/₄ отправлялся Хогвартс-экспресс. Ривер проследовал к выходу на платформы. Объект уже продвигался по десятой.

С этого момента все ускорилося.

На платформе было безлюдно – до отхода следующей электрички оставалось четверть часа. Какой-то тип читал газету на скамейке – вот, пожалуй, и все. Ривер прибавил шаг, сокращая дистанцию. На ходу уловил еле заметный тональный сдвиг в звучании толпы за спиной; с невнятного ровного гула в приглушенные настороженные говорки, – умельцы все-таки привлекали внимание.

Но объект шел не оглядываясь. Объект продолжал движение, будто хотел добраться до самого дальнего вагона; белая футболка, синяя рубашка, рюкзак и все прочее.

Ривер снова поднес к губам манжету. Произнес в нее: «Захват!» – и побежал.

– Всем лежать!

Тип с газетой вскочил было на ноги, но тут же был сбит с них фигурой в черном:

– Лежать!

Впереди с крыши вагона на платформу спрыгнули еще двое, прямо перед объектом. Он обернулся и увидел Ривера, с вытянутой вперед рукой, взмахами растопыренной ладони приказывающего ему лечь на землю.

Умельцы выкрикивали команды: «Рюкзак! Снять рюкзак!»

– Опустить рюкзак на землю, – сказал Ривер, – и встань на колени.

– Но я ничего...

– Рюкзак на землю!

Объект опустил рюкзак на землю. Рюкзак тут же подхватила чья-то рука. Остальные руки занялись фиксацией объекта: он был распластан и распят на плитках платформы, в то время как рюкзак передали Риверу, который аккуратно поставил его на опустевшую скамейку и растегнул молнию.

Сверху, из-под стропил навеса, зазвучала система автоматического оповещения: «Инспектору Сэмму просьба пройти в диспетчерский зал...»

Книги, блокнот формата А4, пенал.

«Инспектору Сэмму...»

Пластмассовый контейнер, внутри – сэндвич с сыром и яблоко.

«...просьба пройти...»

Ривер поднял глаза. Губа его скривилась. Довольно спокойно он произнес:

«...в диспетчерский зал».

– Обыщите его.

– Я ничего не делал, ну пожалуйста! – Голос пацана звучал глухо: лицом он воткнулся в платформу, над головой зависли стволы автоматов.

Объект, напомнил себе Ривер. Не пацан. Объект.

«Инспектору Сэмму...»

– Обыскивайте!

Он снова взялся за рюкзак. В пенале – три шариковые ручки и скрепка.

«...просьба пройти...»

– Все чисто.

Ривер бросил пенал на скамейку и перевернул рюкзак вверх дном. Книги, блокнот, заблудший карандаш, пачка карманных салфеток.

«...в диспетчерский зал».

Все это высыпалось на землю. Он потряс рюкзак. В кармашках ничего не было.

– Обыщите снова.

– Все чисто.

«Инспектору Сэмму...»

– Да вырубите уже кто-нибудь эту хрень!..

Он уловил призыв паники в собственном голосе и осекся.

– Все чисто. Сэр.

«...просьба пройти...»

Ривер еще раз потрянул рюкзак за шкурку и отбросил.

«...в диспетчерский зал».

Один из умельцев стал вполголоса тревожно докладывать что-то в рацию у ворота.

Ривер почувствовал, что из-за оконного стекла вагона на него кто-то глазеет. Не обращая на нее внимания, он быстро зашагал по платформе.

– Сэр?..

В этом слышалась определенная доля сарказма.

«Инспектору Сэммсу просьба пройти в диспетчерский зал».

Синяя рубашка, белая футболка, думал Ривер.

Или – белая рубашка, синяя футболка?

Он перешел на трусцу. У турникетов наперерез ему двинулся полицейский, но Ривер обогнул его, бросил что-то приказным голосом и со всех ног кинулся назад, к главному вестибюлю.

«Инспектору Сэммсу просьба...» – на этом запись оповещения, адресованная персоналу и являющаяся условным сигналом о нарушении режима безопасности, оборвалась. Вместо нее из динамиков зазвучал живой человеческий голос: «Внимание! В целях обеспечения безопасности вокзал эвакуируется. Пассажирам и персоналу просьба пройти к ближайшему выходу из здания».

До прибытия Псов оставалось максимум три минуты.

Ноги сами несли Ривера к главному вестибюлю, который следовало миновать, пока толпа не стала слишком плотной, – вестибюль быстро заполнялся пассажирами, они выходили со всех платформ, покинув вагоны согласно переданным по громкой связи инструкциям, прервавшим еще не начатые поездки, и в воздухе уже пахло паникой. Для массовой паники на вокзалах и в аэропортах многого не нужно. Флегматичная невозмутимость англичан, давно ставшая карикатурным стереотипом, на практике зачастую оказывается фикцией.

В ухе затрещала статика.

Из громкоговорителей неслось: «Вокзал временно закрыт. Просьба сохранять спокойствие и пройти к ближайшему выходу из здания».

– Ривер?

– Паук? Ты debil! Ты дал мне не те цвета!

– Что за херня там у вас? Народ прет из каждой...

– Ты сказал «белая футболка под синей рубашкой»!

– Нет, я сказал «синяя футболка под...».

– Сука ты, Паук! – Ривер рывком выдернул из уха динамик.

Он добрался до лестницы, по которой поток пассажиров обычно утекает в метро. Сейчас толпа валила в обратном направлении. В общей атмосфере преобладало раздраженное недовольство, но сквозь него пробивались и нотки страха, и подспудная паника. Многие полагают, что вещи определенного характера случаются только с другими. Многие полагают, что смерть – одна из таких вещей. Оповещение, несущееся из громкоговорителей, ставило эту гипотезу под сомнение.

«Вокзал временно закрыт. Просьба проследовать к ближайшему выходу из здания».

Метро. Кровеносная система города! – осенило Ривера. Не платформа пригородных отпавлений. Метро.

Он вбурился в толпу эвакуирующихся, не обращая внимания на ее враждебное недовольство. «Пропустите!» Минимальный эффект. «Служба безопасности! Пропустите!» Уже лучше. Толпа не расступилась, но, по крайней мере, перестала сопротивляться его продвижению против своего течения.

Две минуты до Псов. Даже меньше.

У подножия лестницы коридор расширялся. Ривер бросился за угол, в просторный кассовый зал метро: билетные автоматы вдоль стен, окошки касс с опущенными шторками – недавно стоявшие к ним очереди уже поглотила людская масса, двигавшаяся прочь отсюда. Толпа здесь начала редеть. Нисходящие эскалаторы замерли; вход на них опутали ленточным ограждением,

для совсем тупых. Из-под земли, с эвакуированных платформ поднимались последние пассажиры.

Дорогу преградил метро-полицейский:

– Глухой, что ли? Не слышишь объявления? Станция эвакуируется.

– Госбезопасность. Платформы зачищены?

– Госбе...

– Платформы зачищены или нет?

– Эвакуация осуществляется.

– Точно?

– Согласно полученной инфор...

– Видеонаблюдение есть?

– Разумеется, у нас...

– Где?

Звуки становились округлей и мягче, под потолком пластались отголоски удаляющейся толпы. На этом фоне все отчетливее и ближе раздавался стук торопливых шагов – тяжелые подошвы по плиткам пола. Псы. На то, чтобы разрулить ситуацию, времени у Ривера оставалось в обрез.

– Ну же?!

Полицейский сморгнул, однако, уловив не терпящую промедления интонацию (что было несложно), указал себе за спину, на дверь с табличкой «ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Когда появился хозяин тяжелых подошв, Ривер был уже внутри.

Глухая, пропахшая жареным беконом каморка напоминала логово вуайериста. Вращающееся кресло перед целой батареей телеэкранов. Экраны регулярно смагивали, показывая одну и ту же картинку с различных углов: безлюдные платформы подземки.словно в нудном научно-фантастическом кино.

Почувствовав затылком сквознячок, Ривер понял, что полицейский вошел следом.

– Где тут какая ветка?

Полицейский указал три группы, по четыре экрана на каждую: Северная, Пикадилли, Виктория. Ривер всматривался в экраны. Каждые пару секунд изображение переключалось с одной камеры на другую.

Из-под земли послышался глухой рокот.

– Это что?

Полицейский смотрел в недоумении.

– Что это, я спрашиваю?!

– Это как бы поезд метро...

– Они ходят?!

– Станция закрыта, – пояснил полицейский, словно растолковывая недоумку, – но движение на линиях продолжается.

– На всех?

– Да. Только тут они не останавливаются.

А этого и не требуется.

– Какой следующий?

– В смысле?

– Следующий поезд! По какой ветке?

– Виктория. Северное направление.

Ривер выскочил за дверь.

На верхней ступеньке короткой лестницы, преграждая выход к вокзалу, стоял низкорослый чернявый человек и что-то говорил в головную гарнитуру. При виде Ривера его тон резко изменился:

– Он здесь.

Но Ривера здесь уже не было. Он перемахнул через турникет, подбежал к ближайшему эскалатору, отщелкнул ленту ограждения и устремился вниз по обездвиженной крутой лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

У подножия эскалатора его встретила тревожная пустота. Снова как в научно-фантастическом кино.

Закрытые станции поезда проходят на минимальной скорости. На безлюдную платформу он выскочил в тот момент, когда состав начал выползать из туннеля, словно большое неповоротливое животное, смотрящее на Ривера во все глаза. А их у него было немало. Ривер чувствовал на себе взгляд каждой пары этих глаз, заключенных во чреве чудовища, пристально смотрящих на него, в то время как сам он смотрел на платформу, в конце которой, из дальнего выхода, появилась фигура.

Белая рубашка. Синяя футболка.

Ривер побежал.

За спиной тоже кто-то пустился бегом, окликая его на ходу по фамилии, но это было не важно. Ривер бежал наперегонки с поездом. Бежал и выигрывал: он поравнялся с головным вагоном, вырвался вперед. В ушах отдавался мерный и страшный лязг колес, контрапунктом к которому стучал нарастающий страх внутри. Ривер слышал глухие удары кулаков по стеклу. Заметил перекошенное ужасом лицо машиниста, ожидающего, что он вот-вот бросится на рельсы. Но сейчас Риверу было не до чужих страхов, он делал единственное, что мог, – бежал по платформе ровно с этой скоростью.

Фигура впереди (синяя футболка, белая рубашка) тоже делала единственное, что могла.

На крик не оставалось дыхания. Дыхания оставалось лишь на последний рывок, и у него получилось...

Почти получилось. Почти получилось вырваться вперед.

За спиной снова выкрикнули его фамилию. За спиной состав начал набирать скорость.

Кабина машиниста обогнала его и находилась в пяти ярдах от объекта.

Потому что это и был объект. С самого начала – это и был объект.

Дистанция между ними стремительно сокращалась. Ривер уже мог как следует разглядеть совсем еще юнца. Восемнадцать? Деятнадцать? Черные волосы. Смуглое лицо. И синяя футболка под белой рубашкой (сука ты, Паук!), которую объект расстегивал, обнажая нательный пояс, нашпигованный...

Состав поравнялся с объектом.

Ривер выбросил вперед руку, словно пытался дотянуться до финишной ленточки.

Сзади замедлили бег, а потом остановились. Кто-то выругался.

Ривер почти успел, он был в полусекунде от объекта.

Но «почти» не считалось.

Объект рванул шнур на поясе.

На этом все и кончилось.

Часть первая. Слау-башня

2

Сначала давайте определимся хотя бы со следующим: Слау-башня не только не расположена в Слау, но и вовсе не башня. Парадная дверь ее прячется в грязной нише между двумя объектами коммерческой недвижимости, в лондонском округе Финсбери, в двух шагах от станции метро «Барбикан». Слева от двери расположилась бывшая газетная лавка, ныне – газетно-бакалейно-алкогольная, где все более значительная часть выручки приходится на доход от проката видеодисков; справа – китайский ресторанчик «Новая империя», с неизменно задернутыми плотными красными шторами. В витрине тут висит бессменное, отпечатанное на машинке и выпетшее в желтизну меню, куда время от времени фломастером вносятся правки. В то время как газетная лавка остается на плаву благодаря диверсификации бизнеса, «Новая империя» заняла осадное положение, выбрав в качестве долгосрочной стратегии выживания перманентное урезывание производственных затрат: блюда из меню регулярно вычеркиваются, словно закрытые поля на игровой карточке лото. Одно из глубоких убеждений Джексона Лэма состоит в том, что в один прекрасный день в меню «Новой империи» не останется ничего, кроме обжаренного с яйцом риса и свинины под кисло-сладким соусом, которые будут подавать за плотными красными шторами втихую, словно гастрономическая скудость заведения является государственной тайной.

Парадная дверь, как отмечено ранее, прячется в нише. Выкрашенная бог весть когда в черный цвет, дверь основательно заляпана дорожной грязью, а узкое прямоугольное окошко над притолокой никогда не освещается изнутри. Пустая молочная бутылка стоит у порога так давно, что усердиями городских лишайников срослась с тротуаром. Дверной звонок отсутствует, а щель почтового ящика затянута как царапина на детской коленке: если бы и пришла какая-то почта (а она никогда не приходила), то она бы лишь потыкалась в лючок, но внутрь так и не проникла. Создавалось впечатление, что дверь бутафорская и единственное ее предназначение – служить санитарной буферной зоной между газетной лавкой и рестораном. И в самом деле, можно целыми днями сидеть на автобусной остановке напротив, но так ни разу и не увидеть, чтобы кто-то воспользовался этой дверью. Однако любому, кто засиживается на остановке напротив, неизменно дают понять, что его присутствие не остается незамеченным. Рядом вдруг присаживается кряжистый детина, скорее всего жующий жвачку. Внешность детины отбивает всякую охоту задерживаться в его компании; все в нем выдает подспудную ненависть, злобу, затаенную так давно, что уже не важно, на ком ее выместить; он так и будет сидеть и смотреть на вас, пока вы не скроетесь из виду.

А вот в газетную лавку то и дело заходят люди. Снаружи, на тротуаре, тоже всегда оживленно: народ неизменно снует туда-сюда. Регулярно проезжает уборочная машина, крутящиеся щетками запихивая себе в пасть и окурки, и осколки, и пивные пробки. Два встречных пешехода, пытаясь разминуться, проделывают знакомую каждому каденцию упреждающих па, зеркально повторяя движения друг друга, но в конце концов благополучно расходятся, избежав коллизии. Говорящая по мобильному телефону дама на ходу бросает взгляд на отражение в витрине. Высоко в небе стрекочет вертолет, передавая радиослушателям информацию о пробках и дорожных работах.

Но среди этой повседневной суеты дверь остается закрытой. Слау-башня возвышается на три этажа поверх «Новой империи» и газетной лавки, уходя в неприветливое октябрьское небо Финсбери обшарпанными и грязными окнами, которые, однако, не матового стекла. С верхней палубы автобуса, задержавшегося здесь на некоторое время (что, благодаря совместным уси-

лиям светофора и вечно что-то ремонтирующих дорожников вкупе со знаменитой инертностью лондонских автобусов, происходит регулярно), пассажирам открывается вид на комнаты второго этажа, где преобладают желтоватые и серые тона. Поношенная желтизна, обшарпанная серость. Желтизна принадлежит стенам, вернее, тем их участкам, что можно разглядеть за серыми канцелярскими шкафами и за серыми же казенными стеллажами, на которых выстроились изрядно устаревшие справочники: иные завалились навзничь, другие оперлись на товарищей по полке, некоторые пока стоят ровно; призрачность надписей на корешках – результат ежедневного омовения электросветом. Тут же стопки скоросшивателей, кое-как распаханные по стеллажам, а некоторые засунуты вертикально между стоек, одна папка поверх другой; самые верхние нависли косым карнизом, грозя обрушиться. Потолки тоже желты нездоровой желтизной, тут и там подмазанной паутиной. Что касается столов и стульев в комнатах второго этажа, то они сработаны из того же прочного серого металла, что и стеллажи, а возможно, и реквизированы по списанию из того же казенного учреждения – бывшей казармы или административного блока исправительного заведения. На этих стульях не предашься размышлениям, откинувшись на спинку и уставившись в никуда. Да и столы не из тех, которые принято украшать безделушками и фотографиями, дающими представление о личности и характере владельца. Вся обстановка сообщает, что работа, которой тут занимаются, не настолько важна, чтобы заботиться о комфорте людей, ее выполняющих. От них требуется просто сидеть и заниматься своим делом, не отвлекаясь по возможности ни на что иное. А в конце рабочего дня – покинуть здание через черный ход, не привлекая внимания ни водителей мусороуборочных машин, ни дам с мобильными телефонами.

Обозреть третий этаж с верхней палубы автобуса можно лишь частично, хотя и там просматриваются пожелтевшие от никотина потолки. Но будь наш автобус даже трехэтажный, ничего нового мы бы тут не увидели: комнаты третьего этажа до зевоты похожи на комнаты второго. К тому же информация, предоставляемая позолоченными буквами, выведенными на оконных стеклах третьего этажа, должна сполна удовлетворять праздное любопытство. Надпись гласит: «У. У. Хендерсон, юридические и нотариальные услуги». Порой за витиеватостью засечных литер этого давно неактуального логотипа появляются очертания человеческой фигуры. Фигура безучастно глядит на улицу вниз, словно всматривается в нечто совершенно иное. Чем бы это ни было, оно недолго привлекает внимание фигуры. Проходит секунда-другая, и она исчезает.

Последний этаж здания подобных спектаклей не дает – окна здесь зашторены. Обитатель четвертого этажа явно предпочитает, чтобы внешний мир по возможности меньше напоминал о себе, а шальной луч солнца вдруг не потревожил сумрак внутри. Но и из этого можно извлечь определенные сведения, ибо данный факт указывает на то, что кто бы ни населял данный этаж, он имеет право выбрать себе сумрак, а свободой выбора, как правило, обладает только начальство. Таким образом, Слау-башня (это название не встретить ни в каком официальном документе, ни на вывеске, ни на бланке, ни на счете за коммунальные услуги или в кадастровом свидетельстве, ни на какой визитке, ни в телефонном справочнике, ни в реестре недвижимости по той причине, что оно не является названием данного здания, кроме как исключительно в разговорном контексте) очевидно управляется сверху вниз, хотя, судя по насквозь унылым интерьерам, иерархическая вертикаль тут довольно куцая. Вы сидите либо наверху, либо не наверху. А наверху сидит один Джексон Лэм.

Наконец светофор переключается. Автобус, прокашлявшись, трогается с места и возобновляет свое валкое продвижение к собору Святого Павла. В последние секунды наша пассажирка в бельэтаже может подумать: а вот какво было бы работать в такой конторе? Или даже еще чуть-чуть пофантазировать о том, что под видом хиреющей юридической консультации в этом здании на самом деле располагается нечто вроде надземной темницы, в которую в виде наказания заточаются сотрудники некой крупной организации: наказания за пристра-

стие к наркотикам, алкоголю или распутству; за интриги и предательство; за недовольство и сомнения; а также за непростительную оплошность, в результате которой некто подорвал себя на платформе метро, убив и покалечив ориентировочно сто двадцать человек и нанеся фактического материального ущерба на тридцать миллионов фунтов, помимо двух с половиной миллиардов, недополученных вследствие данного инцидента туристической отрасли; словом – что-то вроде корпоративного каменного мешка, где среди завалов пыльных папок доцифровой эры за ненадобностью тихо доживает век кучка ведомственных отщепенцев.

Эта фантазия, разумеется, забудется едва ли не раньше, чем автобус проедет под близлежащим пешеходным мостиком. Но одно крошечное подозрение задержится еще на мгновение-другое: что, если желто-серая цветовая гамма, преобладающая в интерьерах здания, тоже является не тем, чем выглядит на первый взгляд? Что, если эти желтые потолки вовсе не желтые, а белые, пожелтевшие от табака и перегара, от испарений, исторгаемых «моментальной» лапшой, заваренной кипятком, и волглой верхней одеждой, разложенной сушиться на батареях? И что, если эта серость – вовсе не серость, а основательно обшарпанная чернота? Но и эти мысли быстро улечутся, ибо ничто имеющее отношение к Слау-башне никогда не запоминается надолго. Лишь название ее вынесло испытание временем, родившись много лет назад в будничном трепе агентов.

– Лэма сослали.

– Куда его? Что за дыра?

– Всем дырам дыра.

– Господи, неужто в Слау?

– Практически.

В атмосфере тайн и легенд этого оказалось достаточно, чтобы прозвание приклеилось к новой вотчине Джексона Лэма, где все некогда черно-белое теперь стало желто-серым.

* * *

В начале восьмого утра в окне третьего этажа зажегся свет и позади «У. У. Хендерсон, юридические и нотариальные услуги» появился человеческий силуэт. Внизу, на улице, позвякивал тарой электрокар молочника. Человек ненадолго задержался у окна, словно ожидая какого-то подвоха, но, как только молочник проехал, снова скрылся из виду. В кабинете он вернулся к прерванному занятию: вытряхиванию содержимого раскисшего мусорного мешка на газету, расстеленную поверх протертого и выцветшего ковра.

Вонь немедленно заполнила помещение.

Морщась, он опустил на колени и руками в хозяйственных перчатках начал разбирать это месиво.

Яичная скорлупа, огрызки, молотый кофе в размокших бумажных фильтрах, чайные пакетики пергаментного цвета, обмылок, этикетки с банок, пластиковая бутылка из-под соуса, испачканные папиюотки кухонных салфеток, порванные конверты из упаковочной бумаги, винные пробки, пивные, перекрученная спираль-корешок и задняя обложка блокнота, осколки фаянса, которые ни во что не складываются, жестяные лоточки из-под еды на вынос, скомканные клейкие листочки-напоминалки, коробка из-под пиццы, скрюченный тюбик из-под зубной пасты, две картонки из-под сока, банка из-под гуталина, пластмассовый совочек и семь аккуратных сверточков, тщательно упакованных в страницы антифашистского ежемесячника «Прожектор».

И масса другого добра, немедленная идентификация которого не представлялась возможной. Все это лежало мокрое и лоснящееся, словно слизняк, в свете лампочки под потолком.

Он сел на корточки. Взял один из свертков «Прожектора» и со всей возможной осторожностью развернул.

На ковер высыпалось содержимое пепельницы.

Он помотал головой и бросил вонючую бумагу в общую кучу.

С лестницы донесся какой-то звук, и он замер. Но звук не повторился. Войти в Слаубашню или выйти из нее можно было через исключительное посредство заднего двора с плесневелыми осклизшими стенами, и всякий, кто входил, непременно оповещал о своем прибытии громким и неприветливым звуком, так как отсыревшая дверь черного хода каждый раз нуждалась (как и большинство пользовавшихся ею) в добром пинке. Но то был совсем другой звук. Он тряхнул головой и решил, что просто здание просыпается, расправляя несущие балки, или что там еще делают старые дома наутро после ночного дождя. Дождя, под которым он собирал бытовые отходы журналюги.

Яичная скорлупа, огрызки, молотый кофе в размокших бумажных фильтрах...

Он поднял еще один сверток – смятый заголовок клеймил недавний марш Британской национальной партии – и осторожно понюхал. Пепельницей не пахло.

– Порой чувство юмора серьезно осложняет жизнь, – произнес Джексон Лэм.

Ривер выронил сверток.

Лэм стоял в дверях, прислонившись к косяку. Щеки его поблескивали, как всегда после физических усилий, к которым относился и подъем по лестнице, пусть и осуществленный так, что не скрипнула ни ступенька. Сам Ривер едва ли был способен на подобный уровень маскировки, даром что далеко не так грузен, как Лэм, тучность которого концентрировалась по центру, словно беременность. Сейчас ее скрывал заношенный серый плащ, а с зонта, висевшего в сгибе локтя, текло на пол.

Ривер, стараясь не показать, что чуть было не получил инфаркт, ответил:

– Думаете, он намекает, что мы нацисты?

– В общем-то, да. Разумеется, он намекает, что мы нацисты. Но, вообще-то, я о том, что ты устроил бардак на чужой половине кабинета. Сид будет в восторге.

Ривер поднял уроненный сверток, однако раскисшая бумага расплзлась в руках, и содержимое – каша из мелких костей и кожи – вывалилось наружу, на один жуткий миг показавшись вещдоком зверского детоубийства. Затем из предложенного ассортимента сложились очертания курицы – уродливой (ноги да крылья), но тем не менее безошибочной курицы. Лэм хрюкнул. Ривер комкал размокшие газетные обрывки и швырял в общую кучу. Черная и красная типографская краска не хотела разлучаться. Некогда желтые резиновые перчатки теперь стали цвета шахтерских пальцев.

– Ума палата, – сказал Лэм.

«Спасибо, – подумал Ривер. – Большое спасибо за данное наблюдение».

Прошлым вечером он отирался у квартиры газетчика за полночь, отвоевывая хоть какое-то укрытие под кургузым карнизом дома напротив, покуда дождь хлестал так, что Ною и в страшном сне бы не привиделось. Большинство жильцов давно исполнили свой гражданский долг: мусорные мешки, словно черные свинки, расселись вдоль фасадов, а казенные муниципальные контейнеры несли караул у дверей. Но под дверью журналюги было пусто. Холодная вода текла за шиворот, прокладывая себе тропинку вдоль спины и в межъягодичье, и он знал, что, сколько тут ни стой, ничего путного из этого не выйдет.

– Смотри не попадись, – сказал тогда Лэм.

«С хрена ли мне попадаться?» – подумал Ривер, а вслух ответил:

– Постараюсь.

– Парковка только для жильцов, – добавил Лэм, словно сообщал секретный пароль.

Только для жильцов. И что с того?

А то, запоздало сообразил он, что отсидеться в машине не получится. Не получится устроиться поуютней, слушать, как дождь барабанит по брезентовой крыше, и поджидать,

когда вынесут мешки. Появление инспектора парковочного надзора (или как их там нынче называют) после полуночи хоть и маловероятно, но не исключается полностью.

Все, чего ему теперь не хватало, – это штраф за парковку. Выписанный прямо на месте. Официальная засветка.

«Смотри не попадись».

Таким образом и случился карниз под проливным дождем. И хуже того – свет, мерцающий за тонкими шторами журналюжьи квартиры на первом этаже, и тень, постоянно мелькающая за ними. Будто писака, сидя в тепле и сухости, покатывался со смеху, представляя себе Ривера, ждущего под дождем, когда он вынесет помойку, чтобы выкрасть ее и подвергнуть негласному исследованию. Словно журналюга обо всем знал.

А вскоре после полуночи Риверу подумалось, что, может быть, тот и на самом деле знает.

В течение последних восьми месяцев это случалось с ним регулярно. Время от времени он брал общую картину происходящего и встряхивал ее, словно перемешанные фрагменты пазла. Иногда фрагменты складывались в другую картину, иногда не складывались вовсе. Что же такого важного может быть в журналистском мусоре, что Джексон Лэм послал Ривера на его первое полевое задание с тех пор, как его, Ривера, перевели в Слау-башню? Может быть, все дело действительно было в мусоре. А может, в том, чтобы заставить Ривера проторчать пару-тройку часов под проливным дождем, пока писака и Лэм, болтая по телефону, надрывали животы.

А ведь прогноз обещал дождь. Да что там прогноз! Дождь лил уже тогда, когда Лэм послал его на задание.

«Парковка только для жильцов», – сказал он.

«Смотри не попадись».

Прошло еще десять минут, и Ривер решил, что всему есть предел. Никакой мусор сегодня не появится, а если и появится, то будет означать лишь то, что Ривер повелся на идиотский розыгрыш... Он повернул восояси, подхватил на ходу первый попавшийся мешок и зашвырнул его в багажник машины, оставленной у ближайшего паркомата. И поехал домой. И лег в постель.

Где пролежал два часа, наблюдая, как фрагменты складываются в новую картинку. Возможно, Джексон-Лэмово «смотри не попадись» означало именно это: Риверу дано важное поручение, которое необходимо выполнить, не засветившись. Не бог весть какое важное (в этом случае задание получил бы Моды или Сид), однако достаточно важное, чтобы не быть проваленным.

Или же это была проверка. Проверка того, способен ли Ривер выйти под дождем на улицу и вернуться обратно с мешком мусора.

Вскоре он снова вышел на улицу, забросив подобранный раньше мешок в первый встречный мусорный бак. Неспешно дефилируя мимо дома журналюги, Ривер едва поверил глазам: он был на месте – прислоненный к стене, под окном, черный, завязанный узлом мешок...

Содержимое мешка теперь было рассыпано перед ним на полу.

– Ну, дальше тут сам разберешься, – сказал Лэм.

– Что именно мы ищем? – спросил Ривер.

Но Лэм уже вышел из комнаты; продолжал он подъем шумно – каждый скрип и побрякивание отзывались эхом на лестнице, – в то время как Ривер остался один, по-прежнему стоя на Сидовой половине кабинета, посреди неблагоуханной кучи отбросов, и по-прежнему терзаясь подспудным, но неистребимым чувством, что для Джексона Лэма он – козел отпущения.

* * *

Столики в кафе «У Макса» всегда стояли чуть ли не впрытик в оптимистичном ожидании наплыва посетителей, которому никогда не было суждено осуществиться. Непопулярность заведения объяснялась просто: это было плохое заведение. Молотый кофе тут заряжали в машину по второму разу и зачастую торговали позавчерашней выпечкой. Регулярные посетители были исключением, нежели правилом. Но один утренний завсегдатай все-таки был, и стоило ему появиться на пороге, с пачкой газет под мышкой, как кто бы ни стоял за прилавком, начинал наливать его чашку. Текучка персонала не являлась помехой: приметы постоянного клиента передавались новым работникам наряду с инструкциями по эксплуатации кофейного агрегата. «Бежевый плащ. Лысеющий шатен. Вечно не в духе». И разумеется, эти самые газеты.

Тем утром витрина кафе потела изнутри и мокла снаружи. С плаща капало на шахматный линолеум. Если бы не целлофановый пакет, то газеты давно бы уже превратились в отличный материал для поделок из папье-маше.

– Доброе утро.

– Скорее, паршивое.

– Вас, сэр, мы рады видеть в любую погоду.

Его приветствовал сегодняшний Макс. Для Роберта Хобдена все они были Максами. Тем, кто хотел, чтобы их различали, не следовало работать за одним и тем же прилавком.

Хобден устроился в своем обычном углу. Кроме него, в заведении было всего трое посетителей. За соседним столиком, лицом к окну, сидела рыженькая; со спинки ее стула свешивался черный плащ. На рыженькой была белая блузка без ворота и черные лосины по щиколотку. Он это заметил потому, что она сидела, заведя стопы за ножки стула, как делают дети. Перед ней лежал маленький ноутбук. Она не сводила взгляда с экрана.

Макс принес его латте. Буркнув что-то вроде «спасибо», Роберт Хобден, как обычно, выложил на стол ключи, мобильный и бумажник. Он терпеть не мог сидеть, если в карманах топырилось. За ними последовали ручка и записная книжка. Ручка была фломастером с тонким черным наконечником, брелок на ключах – флешкой. А газеты – все солидные ежедневные издания плюс «Дейли мейл». Сложенные в стопку, они возвышались на четыре дюйма, из которых он прочитает около полутора; значительно меньше по понедельникам, когда количество спортивных полос увеличивается. Сегодня был вторник, начало восьмого. Снова шел дождь. Как и минувшей ночью.

«Телеграф», «Таймс», «Дейли мейл», «Индепендент», «Гардиан»...

А ведь в свое время он успел поработать в каждой из них. Эта мысль была не то чтобы озарением, а скорее привычным ощущением, червячком, который просыпался каждое утро примерно в это время: репортер-юниор (дурацкое название!) в Питерборо, затем неизбежный переезд в Лондон, лихорадочный ритм работы в ведущих отделах – политика, преступность; пока наконец к сорока восьми годам он не добился желаемого: личной еженедельной колонки. Даже двух – по средам и воскресеньям. Регулярные приглашения на «Время вопросов». В его случае путь от бузотера-провокатора до респектабельного неконформиста был, признаться, довольно долгим, однако это лишь сделало прибытие к месту назначения еще приятнее. Если бы на том этапе своей биографии он сумел нажать «стоп-кадр», то никаких проблем бы не было.

Теперь он больше не сотрудничал с газетами. И если таксисты и узнавали его в лицо, то благодаря совсем иной известности.

Бежевый плащ на время скинут, редкие темно-русые волосы – несъемный атрибут, как и раздраженное выражение лица. Роберт Хобден снял колпачок с ручки, отпил кофе и приготовился работать.

* * *

В окнах горел свет. Еще не открыв дверь, Хо уже знал, что в Слау-башне кто-то есть. Но это и так стало бы очевидным: мокрые следы на лестнице, привкус дождя в воздухе. Раз в кои-то веки Джексон Лэм нет-нет да и приходил раньше Хо; эти беспричинные предрассветные появления на службе были не чем иным, как простой меткой территории. «Можешь слоняться здесь сколько душе угодно, – говорил ему этим Лэм, – но когда дом снесут и пересчитают наши косточки, мои окажутся сверху». Из всего множества безупречных мотивов для неприязни к Джексону Лэму этот был у Хо одним из любимых.

Но на сей раз это был не Лэм, или – не только Лэм. В здании был кто-то еще.

Может, Моды? Нет, такого даже во сне не увидишь. Моды редко появлялся раньше половины десятого и, как правило, вплоть до одиннадцати не был способен ни на что мудренее потребления горячих напитков. Родерик Хо не любил Джеда Моды, но это не составляло проблему – Моды не претендовал на расположение к себе окружающих. Даже до перевода в Слау-башню у него, скорее всего, друзей было значительно меньше, чем кулаков. Таким образом, Хо и Моды неплохо уживались в кабинете на двоих: оба не нравились друг другу, обоим было все равно, что другому об этом известно. Однако Моды ни за что не пришел бы на работу раньше его. На часах не было и восьми.

Скорее всего, это Кэтрин Стэндиш. На его памяти Кэтрин Стэндиш ни разу не приходила первой (а значит, этого ни разу и не было), но обычно приходила второй. Сначала слышался страдальческий звук открываемой двери, потом легкое поскрипывание на лестнице, а потом – ничего. Она располагалась двумя этажами выше, в комнатухе по соседству с кабинетом Лэма, и, не видя ее дни напролет, о ней легко было забыть. По правде говоря, о ней легко было забыть, даже если она стояла прямо перед тобой. Ощутить ее присутствие было маловероятным. Значит, это была не она.

Это Хо устраивало. Хо не любил Кэтрин Стэндиш.

Он поднялся в свой кабинет на втором этаже. В кабинете он повесил плащ на крючок, включил компьютер, а затем пошел на кухню. С лестницы донесся своеобразный душок. Привкус дождя сменился какой-то гнилью.

В числе подозреваемых, таким образом, оставались следующие: Мин Харпер, нервный придурок, беспрестанно охлопывающий карманы, проверяя, не потерял ли чего; Луиза Гай, при каждом взгляде на которую Хо представлял себе скороварку – пар из ушей; Струан Лой, офисный клоун (Хо питал неприязнь ко всем перечисленным, но к Лою – особенную: офисные шутники – преступники за работой), и Кей Уайт, которая раньше сидела на последнем этаже, в одном кабинете с Кэтрин, но была сослана вниз за то, что «от нее чертовски много шума». Мерси за этот подарок, Лэм. За то, что теперь она достает нас всех. Если ее болтовня так невыносима, то почему бы тебе было не турнуть ее обратно в Риджентс-Парк? Однако никому из них обратной дороги в Риджентс-Парк не было, потому что каждый из них оставил там след – неприглядное пятно в анналах Конторы.

Хо были известны очертания и цвета каждого из этих пятен, всех до одного: наркотики, пьянство, распутство, интриги и предательство; Слау-башня была битком набита секретами, и Хо досконально знал подноготную каждого из ее обитателей, за исключением двух.

Сид, подумал он. Возможно, это Сид там, наверху.

Необычность сотрудника по имени Сид Бейкер состояла в том, что Хо понятия не имел, за какое прегрешение данного сотрудника наказали. Это был один из тех двух секретов, которые Хо не мог разгадать.

Видимо, поэтому он и не любил сотрудника по имени Сид Бейкер.

Пока чайник закипал, Хо перебирал в уме секреты обитателей Слау-башни; он вспомнил о нервном придурке Мине Харпере, забывшем диск с секретной информацией в вагоне метро. Может, все и обошлось бы, не будь диск упакован в ярко-красный конвертик со штампом «Совершенно секретно». И если бы дама, диск подобравшая, не отнесла находку в Би-би-си. Иную удачу сложно вообразить, если только она случилась не с тобой; Мину Харперу было сложно вообразить случившуюся с ним катастрофу, и тем не менее она случилась. Именно поэтому последние два года своей некогда многообещающей карьеры Мин отвечал за шредер на третьем этаже.

Из носика чайника валил пар. Вентиляция на кухне была никакая, и с потолка то и дело сыпалась штукатурка. Рано или поздно обвалится и сам потолок. Хо налил кипятка в заряженную чайным пакетиком кружку. Дни его были расчленены на эти фрагменты – на заваривание чая, на обеденную вылазку за сэндвичем; а каждый фрагмент был дополнительно раздроблен в уме на воспроизведение секретов обитателей Слау-башни, каждого, за исключением двух... Остальное время Хо проводил перед экраном компьютера, делая вид, что занимается вводом данных о давным-давно разрешенных ситуациях, а на самом деле посвящая большую часть времени поиску разгадки второго секрета – секрета, который не давал ему покоя ни днем ни ночью.

Ложечкой он выудил пакетик и бросил в раковину, и во время этой операции его осенило: я знаю, кто там наверху. Ривер Картрайт. Это точно он.

У Хо не было никакого возможного объяснения присутствию Картрайта в здании в этот ранний час, но – делайте ваши ставки, господа. Он поставил на Картрайта. Наверху, прямо сейчас, был Картрайт.

Задача решена.

Ривера Картрайта Хо не любил очень.

С кружкой в руках он направился к своему столу, где уже ожил монитор.

* * *

Хобден отложил «Телеграф» с перекошенной физиономией Питера Джадда на первой полосе. Сделал несколько пометок касательно предстоящих дополнительных парламентских выборов (теневого министра культуры вышел из игры, сложив депутатские полномочия, – январские инсульты поставили точку в его карьере), и больше – ничего. Когда политик добровольно расстается с властью, это всегда настораживает, но Роберт Хобден был опытным специалистом по синтаксическому анализу газетных текстов. Он читал их, словно они были напечатаны шрифтом Брайля: шероховатости изложения указывали на вмешательство цензора; на вторжение коды из Риджентс-Парка, оставившей свои «пальчики» на манере преподнесения событий. В данном же случае все выглядело гладко: ввиду проблем со здоровьем политик удаляется в родное захолустье. Своему чутью Роберт Хобден доверял. Журналист, даже если его нигде не печатают, остается журналистом. Иногда просто чувствуешь, что нащупал какой-то серьезный эксклюзив, и выжидаешь, когда в потоке ежедневных новостей мелькнет спинной плавник этой истории. И тут же ее распознаешь.

А до тех пор он так и будет ежедневно забрасывать невод в море статей и заметок. Все равно больше особо нечем заняться. Круг его общения нынче не так широк, как прежде.

Говоря откровенно, нынче Хобден был изгоем.

И тут тоже постарался Риджентс-Парк. Когда-то Хобдена печатали во всех этих изданиях, однако спецслужбы положили этому конец. И вот теперь он сидит по утрам в кафешке «У Макса» и выслеживает свой заветный эксклюзив... Так бывает, когда напал на след: кажется, что все остальные тоже идут по тому же следу и что твоему эксклюзиву угрожают конкуренты. А если в деле замешаны спецслужбы, этот риск возрастает вдвое. Но Хобден не дурак. В его

записной книжке не было ничего, что было бы недоступно из открытых источников: когда он перепечатывал свои выписки, сопровождая их собственными догадками, он всегда сохранял их на флешку, чтобы жесткий диск оставался «чистым». А на тот случай, если чьи-то шаловливые ручонки все-таки попробуют добраться до флешки, у нее есть близнец-фальшивка. Параноиком он не был, но и дураком тоже. Прошлым вечером, бродя по квартире и томясь ощущением, что упустил что-то из виду, он перебирал в уме непредвиденные встречи, случившиеся в последнее время, незнакомцев, вдруг заводивших с ним разговор, но так и не смог вспомнить ничего странного. Затем он перебрал другие встречи: с бывшей супругой, с детьми, с бывшими коллегами и приятелями, но и среди этих встреч ничего не обнаружилось. Единственным местом, где ему желали доброго утра, было заведение Макса... Упущенным из виду чем-то, как он в конце концов сообразил, оказался не вынесенный вовремя мусор.

– Прошу прощения?

Голос принадлежал рыженькой красотке за соседним столом.

– Я говорю: «прошу прощения»?

Оказалось, она обращалась к нему.

* * *

Рыбные объедки. В последнем из «прожекторных» свертков были рыбные объедки. Не кости и головы, свидетельствовавшие бы о кулинарных амбициях журналюги, а заскорузлые куски кожи и кляра вкупе с обугленными кусочками жареной картошки, свидетельствовавшие о не слишком высоком пошибе его местного заведения «навынос».

Ривер рассортировал практически всю эту дрянь, но не обнаружил ничего инкриминирующего. Даже липучки-напоминалки, аккуратно им расправленные, оказались всего лишь перечнями покупок: яйца, чай, сок, зубная паста – исходные ингредиенты всего бардака. Картонная обложка пружинного блокнота оказалась именно что обложкой: внутри не сохранилось ни страницы. Ривер провел подушечками пальцев по поверхности, на случай если остались оттиски написанного, но ничего не ощутил.

Над головой раздался глухой удар в потолок. Излюбленный Лэмом метод вызова.

В здании они теперь были не одни. Восьмой час на исходе; входная дверь открывалась еще дважды, а ступеньки на лестнице дважды проскрипели свою обычную здравицу. Инициатором звуков, затихших этажом ниже, был Родерик Хо. Обычно Хо приходил первым и часто уходил последним, а чем он занимался в промежутке, было для Ривера загадкой. Судя по количеству банок из-под колы и коробок из-под пиццы, окружавших его рабочее место, Хо возводил крепость.

Следующие шаги миновали этаж Ривера и, значит, принадлежали Кэтрин. Фамилию ее он вспомнил не сразу: Кэтрин Стэндиш. Но ей бы больше пошло Хэвишем. Неизвестно, как насчет подвенечного платья, но паутина была бы ей к лицу.

В потолок снова бухнуло. Будь под рукой швабра, он бухнул бы в ответ.

Дерьмище тем временем кочевало по кабинету. Сначала оно удерживалось в границах предоставленной территории, обозначенной расстеленными газетами, однако теперь расплозлось и уже покрывало изрядную часть Сидовой половины. Тогда как смрад вообще демократично расплылся по всей комнате.

Под столом, свернувшись клубочком, неразборчивая, как подпись врача, лежала загогулина апельсиновой кожуры.

Еще удар.

Не снимая резиновых перчаток, Ривер встал и направился к двери.

* * *

Ему было пятьдесят шесть лет. Юные рыженькие красотки с ним не заговаривали. Тем не менее, вопросительно подняв взгляд, Роберт Хобден встретил улыбку и кивки, демонстрирующие всю приветливость, которую одна особь выказывает другой, когда ей чего-то хочется или нужно.

– Чем могу служить?

– Я тут работаю? Над проектом?

Он терпеть не мог этой вопросительной интонации в каждом предложении. Интересно, как молодежь, общаясь, понимает, когда от них действительно требуется ответ? Но у нее была пыльца из веснушек, а блузка расстегнута достаточно, чтобы он заметил, что веснушки продолжают вплоть до груди. Там же висел медальон на тонкой серебряной цепочке. Кольца на безымянном пальце не было. Он на автомате продолжал замечать эти детали, даже спустя долгое время с тех пор, когда они были для него актуальными.

– Слушаю.

– Я нечаянно заметила заголовок? В вашей газете? В одной из ваших газет...

Привстав, она подалась вперед, постучала пальчиком по «Гардиан», и веснушки и медальон стали видны еще лучше. Имелся в виду не заголовок, а анонс поверх первой полосы: интервью с Расселом Т. Дэвисом в приложении.

– Я пишу диплом о медиаперсоналиях?

– Не сомневаюсь.

– В смысле?

– Прошу вас.

Он вызволил приложение из родительских объятий основного издания и передал ей.

В ответ она очаровательно улыбнулась и поблагодарила; он заметил прелестные зелено-голубые глаза и легкую припухлость на прелестной нижней губе.

Опускаясь снова на свое место, она, очевидно, немного не рассчитала прелестные габариты своего тельца, так как в следующую секунду все оказалось залито капучино, а ее лексический регистр переключился:

– Черт! Извините, пожалуйста...

– Макс!

– Я, должно быть...

– Неси сюда тряпку!

* * *

Для Кэтрин Стэндиш Слау-башня была скалой Воришки Мартина: сырой, неприветливой, до боли знакомой скалой, в которую можно вцепиться, когда грянет буря. Но с входной дверью каждый раз приходилось сражаться. Привести дверь в порядок не составляло бы особого труда, не будь Слау-башня тем, чем она была: первого попавшегося плотника вызвать нельзя, необходимо заполнить заявку на проведение ремонтных работ на территории объекта, написать заявление на предоставление финансирования, согласовать и оформить допуск для утвержденного исполнителя работ; и хотя, согласно действующему циркуляру, «аутсорсинг в целях оптимизации затрат» приветствовался, средства, требуемые на процедуру верификации анкетных данных и согласования кандидатуры, сводили всю оптимизацию на нет. А когда все бланки были заполнены, их следовало направить в Риджентс-Парк, где их читали, визировали, проштамповывали и игнорировали. Поэтому каждое утро Кэтрин приходилось толкаться в дверь, одной рукой сжимая ключ, а другой придерживая зонтик, по-горбунски воздев плечо,

чтобы не соскользнула сумка. И всякий раз надеясь, что удастся сохранить равновесие, когда дверь соизволит отвориться. Воришке Мартину еще повезло. На его скале посреди Атлантики не было дверей. Хотя и там было дождливо.

Наконец дверь поддалась, исторгнув обычное свое стенание. Кэтрин задержалась на пороге отрясти излишек воды с зонта. Кинула взгляд на небо. По-прежнему серое, по-прежнему низкое. Тряхнув еще раз зонтом, она сунула его под мышку. В холле для них была стойка – самый верный способ распрощаться с зонтом навсегда. С площадки второго этажа, через полуприкрытую дверь Кэтрин заметила Хо, сидящего у себя за столом. Он не поднял головы, хотя она знала, что и он ее заметил. В свою очередь она сделала вид, что не заметила его, – по крайней мере, так это должно было выглядеть. Откровенно говоря, она сделала вид, что он просто предмет обстановки, – это требовало меньшего усилия.

На следующей площадке двери обоих кабинетов были закрыты, но из-под двери, за которой обычно располагались Ривер и Сид, выбивался свет. Попахивало тут гнусновато – протухшей рыбой и овощной гнилью.

У себя в кабинете, на последнем этаже, Кэтрин повесила плащ на плечики, раскрыла зонт, чтобы как следует просох, и поинтересовалась у закрытой двери кабинета Джексона Лэма, не хочет ли та чаю. Ответа не последовало. Она ополоснула чайник, налила свежей воды и поставила кипятиться. Вернувшись к себе, переобулась, а затем подвела губы и причесалась.

Кэтрин, что появлялась в зеркале пудреницы, неизменно выглядела лет на десять старше той, которую она рассчитывала увидеть. Но она сама в этом виновата, и никто другой.

Волосы у нее все еще русые, если присмотреться поближе, однако поближе никто не присматривался. Издалека же они выглядели седыми, хоть и оставались пышными и волнистыми. Глаза были такого же цвета, из-за чего создавалось впечатление, будто ее изображение плавно трансформируется из цветного в черно-белое. Движения ее были сдержанны, а манера одеваться напоминала персонажей с иллюстраций к довоенной литературе для юношества: как правило, шляпка, никаких юбок, не говоря уже о джинсах или брюках, но неизменно – платья, с кружевной оторочкой по манжетам. Когда она подносила пудреницу поближе, очевиднее становился и подкожный износ – трещинки, сквозь которые вытекла молодость. Катализатором данного процесса послужила череда осознанных добровольных неблагоразумий, которые, если смотреть на них издалека, удивительным образом представлялись не столько цепочкой, сколько последовательностью шажков – одного за другим. Через год ей будет пятьдесят. Довольно продолжительная череда шажков, одного за другим.

Чайник вскипел. Она заварила чай в чашке. Вернувшись за стол – в кабинете, который, слава богу, принадлежал ей безраздельно с тех самых пор, как по распоряжению Джексона Лэма с этажа была изгнана Кей Уайт, – она принялась за недописанную вчера рапортичку о сделках по недвижимости в Лидсе и Бредфорде за последние три года, соотнося эту информацию с данными миграционной службы за тот же период. Фамилии, фигурирующие в обеих базах, она сверяла со списком особого контроля Риджентс-Парка. Ни единой фамилии, вызывающей подозрения, до сих пор так и не обнаружилось, но она продолжала пробивать их одну за другой, сортируя результаты согласно стране происхождения носителя, первой среди которых стоял Пакистан. С одной стороны, результаты ее изысканий представляли отвлеченную корреляцию миграционных потоков и инвестиционной активности на рынке недвижимости, с другой – закономерность, тренд, истинное значение которого было доступно лишь умам, стоявшим в иерархии спецслужб рангом выше, чем Кэтрин. Месяц назад она составила подобную рапортичку на манчестерскую агломерацию. Дальше ждут Бирмингем или Ноттингем. Доклады эти будут отправлены в Риджентс-Парк, и хотелось бы надеяться, что тамошние Владычицы данных уделят им больше внимания, чем уделялось ее заявкам на проведение ремонтных работ.

Через полчаса она взяла перерыв и снова расчесала волосы.

Спустя пять минут после этого на этаж поднялся Ривер Картрайт и без стука вошел в кабинет Лэма.

* * *

Девчонка вскочила и, наскоро соорудив из газеты некое подобие совка, принялась отгонять потоки капучино от своего ноутбука, что возмутило Хобдена – в конце концов, газета, которую она сейчас превращала в кашу, принадлежала ему, – но лишь на мгновение, тем более что без тряпки так или иначе было не обойтись.

– Макс!

Хобден терпеть не мог подобных сцен. Неужели нельзя поаккуратней?

Он поднялся и направился было к прилавку, но наперерез ему с тряпкой уже спешил Макс, приберегая улыбку для рыженькой, которая тем временем продолжала орудовать малоэффективной «Гардиан».

– Пустяки, ровным счетом пустяки, – заверил ее Макс.

На самом деле, подумал Роберт Хобден, никакие это не пустяки. Весь этот переполох, лужи кофе повсюду... В то время как все, чего он хотел, – это спокойно заниматься своим утренним тралением прессы.

– Дико извиняюсь, – сказала девушка.

– Ничего страшного, – солгал он.

– Вот уже и все чисто, – доложил Макс.

– Спасибо, – сказала девушка.

– Я принесу вам новый кофе, – пообещал Макс.

– Я заплачу...

Но и это оказалось «ровным счетом пустяком». Рыженькая вернулась за свой столик, с извиняющимся видом указала на пропитанную кофе газету:

– Давайте я схожу куплю...

– Нет.

– Но я просто...

– Не надо. Это не важно.

Хобден не умел выходить из подобных ситуаций ни с элегантностью, ни с непринужденностью. Может, ему следовало поучиться у Макса, который уже снова спешил к ним со свежим кофе для обоих. Хобден буркнул спасибо. Рыженькая лучилась приветливостью, притворной конечно же. Ей, разумеется, жутко неловко, и она с радостью подхватила бы сейчас ноутбук и убралась прочь.

Он допил первый кофе, отставил чашку. Пригубил из свежей.

Погрузился в «Таймс».

* * *

– Стучали? – спросил Ривер.

Глядя на Лэма, развалившегося за письменным столом, трудно было вообразить его не то что за работой, а просто даже встающим или, например, открывающим окно.

– Перчаточки – загляденье, – ответил Лэм.

Потолок здесь был скошенный, параллельно скату крыши, с врезанным мансардным окном за неизменно опущенной шторкой. Лэм также не любил и верхнего освещения, поэтому в комнате стоял полумрак; лампа, пристроенная поверх стопки телефонных справочников, являлась основным источником света. Помещение напоминало не столько рабочий кабинет, сколько берлогу. На углу письменного стола самодовольно тикали увесистые часы. Пробковая

доска на стене была сплошь зашпиlena бумажками, похожими на купоны для получения скидок, такими пожелтевшими и с загибающимися краями, что срок их действия наверняка давно истек.

Ривер хотел было стянуть резиновые перчатки, но для этого пришлось бы порядком повозиться, высвобождая каждый палец по отдельности, и он передумал. Вместо этого он ответил:

– Грязная работенка.

Лэм внезапно издал губами неприличный звук.

Пузо Лэма скрывалось письменным столом, но это не имело значения. Лэм мог бы сидеть в соседней комнате, за закрытой дверью, и наличие у него пуза было бы очевидно. Оно присутствовало в его голосе, не говоря уже о лице или глазах. И в том, как он изобразил непристойность, тоже явно прозвучало пузо. На вид он напоминал, как некто когда-то выразился, перезревший Тимоти Сполл, что (если не задумываться над тем, как мог бы выглядеть неперезревший Тимоти Сполл) довольно точно описывало его внешность. Как бы там ни было со Споллом, но этот живот, эти небритые брыли, эти волосы (грязно-русые, зачесанные от темечка на затылок, и там, при встрече с воротником, загибающиеся вверх) делали его идеальным кандидатом на роль Джека Фальстафа. Тимоти Споллу следует взять это на заметку.

– Очень верно подмечено, – сказал Ривер, – и точно сформулировано.

– Мне как будто послышалась нотка неодобрения, – сказал Джексон Лэм.

– И в голову бы не пришло.

– Ага. Так-так. А делать грязную работенку на Сидовой половине – это, значит, пришло.

– Содержимое мусорного мешка, – сказал Ривер, – сложно удерживать на ограниченном пространстве. Специалистам этот феномен известен как «помойный ползун».

– Сид тебе не особо нравится, так?

Он не ответил.

– Ладно, Сид тоже не спешит стать председателем твоего фан-клуба, – сказал Лэм. – Да и не то чтобы эту должность с руками рвали. Нашел что-нибудь любопытное?

– Зависит от того, что вы называете любопытным.

– Давай-ка на минуточку притворимся, будто я твой босс.

– Любопытностей там примерно столько, сколько их бывает в мусорном мешке. Сэр.

– Поподробнее, если не затруднит.

– Он вытряхивает пепельницу на газетный лист. Заворачивает, будто какой подарок.

– Похоже на психа.

– Зато мусорка не воняет.

– Мусоркам полагается вонять. Иначе как бы мы знали, что это мусорки?

– Какой во всем этом смысл?

– Тебе же хотелось пойти на задание. Не ты ли говорил, что хочешь на задание? Причем говорил по три раза на дню в течение нескольких месяцев, нет?

– Разумеется. На службе ее величества и тэ дэ и тэ пэ. Рыться в помойках, как бомж. Хотя бы объясните, что именно я пытаюсь обнаружить?

– Кто тебе сказал, что ты вообще пытаешься что-то обнаружить?

Ривер осмыслил услышанное.

– То есть мы просто хотим дать ему понять, что он под наблюдением?

– Кто тут тебе «мы», бледнолицый? Не мы, а ты. И сам ты ничего хотеть не можешь. Ты хочешь ровно то, что я приказываю тебе хотеть. Записки? Порванные письма?

– Кусок блокнота. На пружинке. Без листков. Одна обложка.

– Следы употребления наркотиков?

– Упаковка из-под парацетамола.

– Презервативы?

– Наверное, смывает в унитаз, – сказал Ривер. – Когда подфартит.

– Они упакованы в фольгу.

– Да, я припоминаю. Но – нет. Ничего такого.

– Бутылки из-под бухла?

– Видимо, в баке для утилизации.

– Пивные банки?

– *Ditto*².

– Господи, – вздохнул Джексон Лэм, – мне одному кажется, что веселые времена и вправду закончились где-то в конце семидесятых?

Ривер не собирался делать вид, будто его это интересует.

– Я думал, наша задача – стоять на страже демократии, – сказал он. – Как это согласуется с преследованием журналистов?

– Ты шутишь, что ли? Это же один из наших основных производственных показателей.

Лэм произнес это так, словно совсем недавно вычитал оборот в служебном циркуляре, выброшенном им в помойку.

– Хорошо, но в данном конкретном случае?

– Постарайся думать о нем не как о журналисте, а как о потенциальной угрозе существующему строю.

– Так он угроза?

– Не знаю. Что-нибудь среди его мусора указывает на такую возможность?

– Ну, он курит, например. Но насколько я знаю, это пока не расценивается как угроза безопасности.

– Верно, – сказал Лэм, время от времени дымивший на рабочем месте, и, немного подумав, изрек: – Ладушки. Иди и распиши мне все это.

– Распиши, – повторил Ривер, стараясь смягчить вопросительную интонацию.

– Что-то непонятно, Картрайт?

– Мне сейчас кажется, что я работаю в редакции таблоида.

– Размечтался. Знаешь, сколько зашибают эти говнюки?

– Прикажете взять его под наблюдение?

Лэм зашелся хохотом.

Ривер терпеливо ждал, пока он отсмеется. Смех Лэма выглядел не столько чистосердечной данью безудержному веселью, сколько временным помешательством. Смех не того рода, что приятно слышать от начальства.

Наконец смех резко оборвался, будто и не начинался вовсе.

– Думаешь, если бы я хотел организовать за ним наблюдение, я бы выбрал тебя?

– Я могу.

– Да ладно.

– Я могу вести наблюдение, – повторил Ривер.

– Давай-ка я перефразирую, – сказал Джексон Лэм. – Предположим, я хотел бы проверить такое дело, избежав при этом десятков невинных жертв. Думаешь, ты на это способен?

Ривер молчал.

– Картрайт?

Хотелось ответить «иди ты в жопу», но вместо этого он снова выбрал «я могу вести наблюдение». Хотя очередное повторение придавало фразе пораженческий оттенок. Но он ведь действительно мог. Мог ли?

– Никто не пострадает, – добавил Ривер.

– Спасибо за ценный совет, – сказал Лэм, – однако в прошлый раз у тебя вышло несколько иначе.

² Здесь: аналогично (лат.).

* * *

Следующим на работу прибыл Мин Харпер, а за ним по пятам – Луиза Гай. Они перебросились парой фраз на кухне, оба старательно изображая непринужденность. Неделю назад у них случился разговор по душам в заведении напротив – гадюшнике без окон, исключительно для потребителей пива и текилы. Но они все равно отправились туда: обоим нужно было выпить в течение шестидесяти секунд после выхода из Слау-башни – слишком сжатый срок, чтобы добраться до заведения поприличнее.

Поначалу их беседа была предметной (Джексон Лэм – скотина), затем приобрела более отвлеченно-спекулятивный характер (почему Джексон Лэм такая скотина?), прежде чем естественным образом перейти в разряд мечтательно-сентиментальных (правда, было бы здорово, если бы Джексона Лэма затянуло в молотилку?). Затем последовала неловкость на пути к метро. Как их вообще угораздило? Ну, допустим, коллеги зашли выпить после работы. Да вот только никто в Слау-башне никогда не ходил выпить с коллегами после работы. Они кое-как расстались, каждый делая вид, что ничего не произошло. Не обменявшись ни словом, разошлись по своим платформам. Но с тех пор на работе они перестали старательно избегать друг друга, что было довольно необычным. В Слау-башне практически никогда не случалось, чтобы два человека оказывались на кухне одновременно.

Ополоснули кружки. Чайник закипал.

– Мне кажется или откуда-то действительно странно пахнет?

Наверху хлопнула дверь. Внизу открылась другая.

– Если я скажу «кажется», ты обидишься?

Они обменялись взглядами и улыбками и тут же синхронно прервали бартер.

* * *

Ривер хорошо помнил свой самый серьезный разговор с Джексоном Лэмом. Это было восемь месяцев назад, и началось с того, что Ривер спросил, когда ему будет поручена какая-нибудь настоящая работа.

– Когда пылица осядет.

– И как скоро она осядет?

Не в восторге от необходимости отвечать на дурацкие вопросы, Лэм сокрушенно вздохнул:

– Видишь ли, Картрайт, этой пылицей мы обязаны исключительно твоим связям. Если бы не твой дедуля, то мы бы сейчас говорили с тобой не о пылице, а о ледниках. Не о том, когда пыль осядет, а о том, когда растает Антарктика, понимаешь? И даже об этом мы с тобой сейчас не говорили бы, потому что ты давно стал бы отдаленным воспоминанием. Курьезным воспоминанием, отвлекающим порой Моды от размышлений над его собственными косяками, а Стэндиш – от бухла.

Ривер прикидывал в уме расстояние между стулом Лэма и окном. Шторка не станет серьезным препятствием. Если правильно рассчитать усилие, Лэм превратится в лепешку на тротуаре, вроде пиццы, вместо того чтобы сделать очередной вздох и продолжать:

– Но ведь у тебя же дедуля! Что ж, мои, мать твою, поздравления – со службы тебя не выперли. Но и удовольствия от нее ты получать не будешь. Ни теперь, ни в дальнейшем. – Он побарабанил двумя пальцами по столешнице. – Указание сверху, Картрайт. Сожалею, но правила устанавливаю не я.

Желтозубая улыбка, сопровождавшая эти слова, не содержала и намека на сожаление.

– Чушь собачья, – сказал Ривер.

– А вот и нет. Знаешь, что такое чушь собачья? Сто двадцать убитых и покалеченных. Тридцать миллионов фунтов материального ущерба. Два с половиной миллиарда доходов от туризма – коту под хвост. И все по твоей милости. Вот что такое чушь собачья.

– Но ведь этого не произошло, – сказал Ривер Картрайт.

– Да неужели? А запись с камеры наблюдения, на которой этот гаврик дергает за шнур? Они в Риджентс-Парке до сих пор время от времени ее просматривают, чтобы напоминать себе, чем оборачивается безалаберное отношение к делу.

– Это был просто тренинг.

– Который ты превратил в шапито. Ты единолично завалил Кингс-Кросс.

– На двадцать минут. Через двадцать минут там уже все снова заработало.

– Ты завалил Кингс-Кросс, Картрайт. В час пик. Ты превратил аттестацию в шапито.

Риверу отчетливо показалось, что Лэм находит это забавным.

– Никто не погиб, – сказал он.

– Один инсульт. Одна сломанная нога. Три...

– Инсульт так и так бы случился. Старик же.

– Шестьдесят два года.

– Вот именно.

– Мэр требовал твоей головы на блюде.

– Мэр был на седьмом небе от радости. Он теперь может рассуждать о недочетах в интеграции меньшинств и максимальном укреплении безопасности. Как всамделишный политик.

– По-твоему, это хорошо?

– Бывает хуже. Учитывая, что он придурок.

– Давай говорить предметно, – сказал Лэм. – Ты думаешь, что поступил хорошо, превратив Контору в мячик для пинг-понга между политиками? Благодаря своему... как бы это обозвать? – слуховому дальтонизму?

«Синяя рубашка, белая футболка».

«Белая рубашка, синяя футболка...»

– Я слышал то, что я слышал, – сказал Ривер.

– Мне насрать на то, что ты слышал. Ты облажался. И поэтому теперь ты не в Риджентс-Парке, а здесь. И впереди у тебя теперь не блестящая карьера, а – угадай что? – нудная офисная работа на должности, созданной исключительно ради того, чтобы тебя больше было не видно и не слышно. И даже эту должность ты получил только стараниями своего дедули. – Снова желтозубый оскал. – Знаешь, почему наш офис называют Слау-башней? – продолжал Лэм.

– Знаю.

– Потому что он с тем же успехом мог бы находиться...

– В Слау, да. И я также знаю, как нас называют.

– Нас называют слабаками, – сказал Лэм, будто не слышал Ривера. – Слау-башня – слабаки. Остроумно?

– Полагаю, зависит от того, что понимать под...

– Ты спрашивал, когда тебя пошлют на серьезное задание.

Ривер прикусил язык.

– Так вот, это будет не раньше, чем все позабудут о том, как ты завалил Кингс-Кросс.

Ривер молчал.

– Это будет не раньше, чем все позабудут, что ты пополнил ряды слабаков.

Ривер молчал.

– А до того времени – как до Луны на жопе, – уточнил Лэм, словно такое уточнение было необходимо.

Ривер повернулся на выход. Но ему нужно было знать еще одну вещь.

– Три – чего? – спросил он.

– Чего «три – чего»?

– Вы сказали, там было еще три чего-то. На Кингс-Кросс. Чего именно?

– Приступа паники, – ответил Лэм. – Три приступа паники.

Ривер кивнул.

– Не считая твоего, – добавил Лэм.

И это был самый серьезный разговор, состоявшийся между Ривером и Джексон Лэмом.

Вплоть до сегодняшнего.

* * *

Джед Моды в конце концов тоже заявится. Как обычно, на пару часов позже остальных. Замечаний ему никто не делал, потому что всем было абсолютно все равно; к тому же никому не хотелось сойтись с ним поближе с плохой стороны, а с какой стороны к нему ни подойди, она практически неизменно оказывалась именно той самой. Больше всего Моды любил те дни, когда кому-то приходило в голову засидеться на автобусной остановке через дорогу или на парапете одной из клумб жилого комплекса «Барбикан» напротив. Если такое случалось, Моды шел разбираться, хотя никакого повода для серьезного беспокойства никогда не было: либо детвора из районной школы, либо бездомный, присевший отдохнуть. Но кто бы это ни был, Моды выбирался наружу и, жуя жвачку, усаживался рядом. Он не заводил разговор, он просто сидел рядом и жевал. Этого оказывалось достаточно. И в течение минут пяти по возвращении Моды выглядел чуть менее угрюмым; не настолько, чтобы с ним захотелось вдруг пообщаться, но, по крайней мере, расходясь с ним на лестнице, можно было почти не опасаться, что он поставит подножку.

Моды не скрывал, что ненавидит быть среди слабаков. Когда-то Джед Моды был одним из Псов, и косяк его был всем хорошо известен: он позволил одной чернильной душе обвести себя вокруг пальца и свалить, прихватив мегатонну казенных фунтов. Не самый блестящий момент в карьере Пса (сотрудника собственной безопасности Конторы), даже если не учитывать последовавшей чернушной развязки. Таким образом, теперь Моды постоянно являлся с опозданием, и попробовал бы кто ему что сказать. Никто и не пробовал. Потому что всем было до лампочки.

Но пока что Моды еще не пришел, а Ривер Картрайт по-прежнему находился наверху, в кабинете Джексона Лэма.

* * *

Который откинулся на стуле и сложил на груди руки. Несмотря на отсутствие какого-либо звукового сопровождения, сомнения в том, что он только что пернул, быстро рассеивались. Лэм печально покачал головой, словно возлагал вину на Ривера, и сказал:

– Ты ведь даже не знаешь, кто он такой, правда?

Голова Ривера все еще была наполовину занята Кингс-Кроссом.

– Имеете в виду Хобдена? – спросил он.

– Ты, наверное, еще в школу ходил, когда он был знаменитостью.

– Кое-что смутно помню. Он ведь был коммунистом, так?

– Его поколение – там все были коммунистами. Учи историю.

– Вы же с ним примерно одного возраста, да?

Лэм проигнорировал это замечание.

– Знаешь, в холодной войне были свои плюсы. В конце концов, подростковое недовольство окружающей действительностью лучше выражать вступлением в ряды компартии, чем

ношением холодного оружия. Лучше уж ходить на бесконечные заседания в пивных. И маршировать в защиту убеждений, ради которых нормальный человек даже из постели бы не вылез.

– Пардон, пропустил. А есть цифровая копия на диске?

Вместо ответа Лэм отвел глаза и теперь глядел мимо Ривера, давая понять, что в комнате они не одни. Ривер обернулся. В дверях стояла девушка. Рыжеволосая, с легкой россыпью веснушек на лице. Ее черный плащ, все еще блестящий от утреннего дождя, был распахнут, демонстрируя белую блузку. На груди висел серебряный медальон. На губах порхала легкая полуулыбка.

В одной руке она держала ноутбук. Размером с тетрадку.

– Успех? – спросил ее Лэм.

Она кивнула.

– Отлично, Сид, – сказал он.

3

Сидони Бейкер положила ноутбук Лэму на стол. Сказала, не глядя на Ривера:

- Там какая-то авария случилась. Внизу.
- Что-нибудь связанное с помойкой? – спросил Лэм.
- Да.
- Тогда расслабься. Это не авария.
- Чей это? – спросил Ривер.
- Чей – что? – переспросила Сид.
- Ноутбук.

Сид Бейкер словно сошла с рекламы. Какого угодно товара. Она вся была четкие контуры и свежесть, даже веснушки, казалось, скрупулезно рассортированы по тону. За ароматом духов, на втором плане, Ривер улавливал мимолетный свежий запах чистого белья.

- Все в порядке, – сказал ей Лэм, – можешь насыпать ему соли.

Других намеков Риверу не требовалось.

- Хобден?

Она кивнула.

- Ты выкрала его ноутбук?

Она помотала головой:

- Я выкрала его файлы.

Ривер повернулся к Лэму:

- Это представляет больший или меньший интерес, чем его помойка?

Но Лэм не обратил на него внимания.

- Он заметил? – спросил Лэм.

- Нет, – сказала Сидони.

- Точно?

- Уверена.

Лэм повысил голос:

- Кэтрин!

Она возникла в дверях, словно жутковатый вездесущий дворецкий.

- Защитный кейс.

Она исчезла.

- Дай угадаю, – сказал Ривер, – женские чары?

- Хочешь сказать, я наживка-обольстительница?

- Ну если данное клише уместно...

Кэтрин Стэндиш принесла защитный кейс и положила его Лэму на стол рядом с часами. Она помедлила, но Лэм хранил молчание.

- Пожалуйста, – сказала она и вышла из кабинета.

Дождавшись, пока она скроется, Лэм буркнул:

- Расскажи ему.

- У него на брелоке карта памяти, – сказала Сид.

- Флешка, – уточнил Ривер.

- Именно.

- И он сохраняет туда резервные копии файлов?

- По-моему, это очевидно, учитывая, что он никогда с ней не расстаётся.

- Разумеется, не расстанется. Она же у него на ключах висит. Ты бы тоже не расставалась.

- Там точно что-то есть. Под пару мегабайтов.

- Может, он пишет роман, – сказал Ривер.

– Может, и пишет. Ты там, часом, не нашел черновик в помойке?

Если он хотел выбраться из этого обмена любезностями невредимым, Риверу следовало проявлять осторожность.

– То есть ты пошарила у него по карманам?

– Он любит установленный распорядок. Каждое утро – то же самое кафе. То же самое латте. А прежде чем сесть, выкладывает содержимое карманов на стол.

Сидони достала из кармана заколку-стрелку. Во всяком случае, Ривер полагал, что это так называется: заколка-стрелка.

– Я подменила его флешку, когда он отвлекся.

Значит, у нее при себе была заранее приготовленная подменная флешка. Значит, она уже до этого вела наблюдение за Хобденом. Иначе как бы у нее оказалась флешка, идентичная той, которая была у него?

– А потом скопировала содержимое на ноутбук.

Она прищиплила заколку за левым ухом, и ее волосы приняли какую-то научно-фантастическую форму. Она не может знать, как выглядит ее прическа, подумал Ривер. И это было тем более странным, что прическа выглядела продуманно-намеренной.

– А потом снова поменяла флешки.

– Когда он снова отвлекся?

– Именно так, – сказала Сид, лучезарно улыбаясь.

Лэму это уже надоело. Он взял защитный кейс. Тот выглядел как канцелярская папка-короб формата А4 с автоматическим запорным механизмом. Попытка открыть кейс иначе чем посредством его серийного ключа приводила к умеренных размеров возгоранию. Лэм потянулся к ноутбуку:

– Когда ты ушла, он все еще там сидел?

– Нет. Я дождалась, чтобы он ушел первым.

– Отлично.

Лэм поместил ноутбук в кейс и щелкнул пальцами:

– Флешку.

– Но она же пустая?

– Этого я не спрашивал.

Сидони достала флешку, близнеца той, что служила брелоком Хобдену. Лэм закинул ее в кейс и захлопнул крышку:

– Абракадабра.

Как на это реагировать, было не понятно ни Риверу, ни Сид.

– А теперь, – сказал Лэм, – мне нужно сделать звонок, так что не могли бы вы оба... – он помахал в направлении двери, – свалить нахер отсюда.

С лестничной площадки Ривер заметил в соседнем кабинете Кэтрин, сидящую за столом с видом такой глубокой погруженности в работу, какой принимают люди, знающие, что за ними наблюдают.

Сид на ходу бросила что-то через плечо, но он не расслышал.

* * *

У себя в кабинете Лэм набрал номер:

– С тебя причитается. Да, все сделано. Все файлы. Во всяком случае, все, что были у него на флешке. Нет, в помойке все чисто, так сказать. Лады. Сегодня до обеда. Бейкер пошлю. – Он зевнул, поскреб загривок, затем исследовал ногти. – И да, вот еще: в следующий раз пользуй собственных мальчиков на побегушках. А то можно подумать, в Риджентс-Парке их не хватает.

Повесив трубку, он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он решил вздремнуть.

* * *

Этажом ниже Ривер и Сид молча обозревали мусорные завалы. Ривера томило ощущение, что шутка перестала быть смешной, и даже если она была смешной изначально, теперь он стал объектом этого розыгрыша в той же мере, что и Сид. Так как вонь не ограничивала свое присутствие исключительно Сидовой половиной кабинета. Но после того, что произошло наверху, ни о каких извинениях не могло быть речи. Прошлой ночью, прячась от проливного дождя под карнизом, он на какой-то момент поверил, что действительно выполняет важное задание, что нащупал первую ступеньку колодезной лестницы, ведущей назад, к свету. И даже если эту веру ему удалось пронести сквозь потоки холодной воды и утреннее разгребание мусора, то теперь ей однозначно пришел конец. Смотреть на Сид не хотелось. Не хотелось, когда она заговорит, увидеть контур ее улыбки. Но узнать, чем она занималась, все-таки хотелось.

– И долго ты пасла Хобдена?

– Я его не пасла.

– Но ходила на завтраки.

– Только чтобы выучить его повадки.

– Ну-ну.

– Не хочешь тут прибраться?

– Ты когда-нибудь слышала, – сказал Ривер, – чтобы оперативника послали на задание в одиночку? На внутреннее задание? Посреди Лондона?

Это показалось ей забавным.

– То есть я теперь – оперативник?

– И с какой стати Лэм вдруг проводит операцию по собственному усмотрению?

– Вот сам у него и спроси. А я отправляюсь пить кофе.

– Ты уже пила кофе.

– Хорошо. В таком случае я отправляюсь еще куда-нибудь, пока ты тут прибираешь всю эту дрянь.

– Мне еще надо составить опись.

– Тогда я вернусь довольно не скоро. Эти перчатки, кстати, очень тебе идут.

– Издеваешься?

– И в мыслях не было.

Сид подхватила сумочку со стула и вышла.

Ривер пнул консервную банку, которая, возможно, лежала здесь именно для этого. Жестянка отскочила от стены, оставив на ней ярко-красную ссадину, и снова упала на пол.

Он стянул резиновые перчатки и бросил их в мешок с остальным мусором. Открыв окно, впустил волну холодного лондонского воздуха, что добавило к помойной вони запах выхлопных газов. И тут сверху послышался знакомый глухой стук, от которого задрожал плафон на потолке.

Ривер снял трубку и натянул внутренний номер Лэма. Секунду спустя наверху зазвонил телефон. Ривер почувствовал себя реквизитором за кулисами чужой драмы.

– Сид где? – спросил Лэм.

– Ушла на кофе.

– Когда вернется?

Разумеется, офисный этикет не позволял сдавать коллег начальству.

– Если мне не изменяет память, она сказала «довольно не скоро».

Лэм помолчал. Потом сказал:

– Поднимись.

Прежде чем Ривер успел поинтересоваться причиной, в трубке раздались гудки отбоя. Он набрал в грудь воздуха, досчитал до пяти и снова отправился наверх.

– Прибрался там? – спросил Лэм.

– Более или менее.

– Отлично. На вот... – Он постучал толстым пальцем по защитному кейсу на столе. – Доставить.

– Доставить?

– У меня тут эхо, что ли?

– Доставить куда?

– У меня тут эхо, что ли? – повторил Лэм и засмеялся собственному остроумию. – Ну а сам-то как думаешь? В Риджентс-Парк.

Риджентс-Парк был тем самым светом в конце колодезной лестницы. Тем самым местом, где Ривер был бы сейчас, не завали он Кингс-Кросс.

– Так вся эта история с Хобденом – это, значит, Риджентс-Парк? – спросил он.

– Ты тупой? Разумеется, это Риджентс-Парк. Слау-башня не проводит самостоятельных операций. Хоть это-то до тебя уже дошло?

– Значит, как идти на настоящее задание, так Сид? А я должен копать в помойках?

– Знаешь-ка что, – сказал Лэм, – вот ты на досуге хорошенько подумай над этим, и, может быть, найдешь ответ на этот вопрос сам, без посторонней помощи.

– А на кой мы вообще сдались Парку? У них там своих цыпочек, что ли, мало?

– Надеюсь, это не сексистское замечание, Картрайт?

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду.

Лэм молча уставился на него, и Риверу показалось, что он либо над чем-то крепко призадумался, либо хотел, чтобы Ривер подумал, что он крепко призадумался над чем-то. Когда же настало время ответа, Лэм лишь пожал плечами.

– И почему они хотят, чтобы доставку осуществил именно я?

– А они и не хотят, – ответил Лэм. – Они хотят Сид. Но ее нет. Так что я посылаю тебя. Ривер взял защитный кейс; содержимое кейса съехало вбок.

– Кому следует доставить?

– Некому Уэббу, – сказал Лэм. – Он вроде бы из твоих старых приятелей.

Внутри Ривера все тоже съехало вбок.

* * *

С кейсом под мышкой Ривер пересек двор жилкомплеса и вышел к череде магазинчиков на другой стороне: продуктовый, газетная лавка, канцтовары, парикмахерская, итальянский ресторан. Спустя пятнадцать минут он был на станции «Моргейт». Отсюда часть пути он проделал на метро, а другую – пешком через парк. Дождь наконец-то перестал, но в аллеях тут и там еще стояли большие лужи. Небо было по-прежнему серым, а воздух пах травой. Мимо пробегали любители трусцы в мокрых трениках.

Ему не нравилось, что Лэм послал его с этим поручением. Еще меньше нравилось то, что Лэм не только знал, что ему это не понравится, но также и то, что Ривер знал, что он это знает.

В первые несколько недель после Кингс-Кросса Ривер свикся с ощущением выпотрошенности, словно тот отчаянный и изначально безнадёжный бросок вперед по платформе (его последняя, обреченная на провал попытка исправить ситуацию) навечно оставил глубокую рану внутри. Где-то под ложечкой угнездилось постоянное ощущение четырех часов утра, тяжелого переполя и ухода любимого человека. Состоявшееся служебное расследование (нельзя

завалить Кингс-Кросс и надеяться, что никто не заметит) пришло к выводу, что в течение восьми минут Ривер допустил шестнадцать хрестоматийных ошибок. Что было полной чушью. Из разряда производственной гигиены и охраны труда. Идиотизмом наподобие того, когда после пожара в офисе сотрудникам впредь приказывается выключать чайник из розетки, когда им не пользуются, хотя чайник к причине возгорания и не имел никакого отношения. Неотключенный чайник не может считаться ошибкой. Его никто никогда не отключает. И от этого почти никто еще не умирал.

«Мы произвели расчеты», – сказали ему.

В Риджентс-Парке расчеты производили то и дело. А еще пикселирование. В последнее время Ривер часто слышал «мы это пропикселировали», что означало – мы прогнали это через какой-то софт и у нас есть скриншоты. Словечко слишком технарское, чтобы прижиться среди работников Конторы. С. Ч. навряд ли его одобрил бы.

Однако все это было лишь статическими помехами: мозг тогда просто создавал защитное поле, потому что не хотел слышать результаты расчетов.

Но от них, как выяснилось, было никуда не деться. В последнее утро он слышал, как их шепотком передавали друг другу в коридорах. Сто двадцать человек погибших и раненых; тридцать миллионов фунтов ущерба. Плюс два с половиной миллиарда, недополученные от туристов.

Тот факт, что все эти цифры были гипотетическими, что их просто вывели те, кого хлебом не корми – дай сострять наихудший сценарий развития событий, не имел никакого значения. Значение имело то, что эти цифры запротоколировали и представили на рассмотрение рабочих групп. И что они легли на стол Тавернер. Для того, кто надеется, что его прегрешения когда-нибудь предадут забвению, это совсем не тот стол, на котором прегрешениям следует оказываться.

«Но ведь у тебя же дедуля! – сказал ему Лэм. – Что ж, мои, мать твою, поздравления – со службы тебя не выперли».

И как ни горько это признавать, это было правдой. Если бы не С. Ч., даже Слау-башня была бы для него недостижима.

«Но и удовольствия от нее ты получать не будешь. Ни теперь, ни в дальнейшем».

Карьера переключателя бумажек. Транскрибирование перехваченных разговоров по мобильникам. Прочесывание бесконечных отчетов о давно забытых операциях в поисках параллелей с текущими событиями...

Половина будущего кроется в прошлом. Это было господствующим кредо внутри Конторы. Именно поэтому маниакально просеивалась почва с каждой дважды уже перепаханной поляны в надежде разобраться в истории прежде, чем она повторится. Реалии сегодняшние, в которых мужчины, женщины, дети, обвязавшись взрывчаткой, выходили на центральные улицы городов, – эти реалии разбивали человеческие жизни, но не установленные правила. Так гласила оперативная премудрость, к негодованию многих.

Например, к негодованию Тавернер. Поговаривали, что Тавернер изо всех сил пыталась перелицевать правила игры; не столько поменять фишки на доске, сколько избавиться от самой доски и сконструировать взамен новую. Но Тавернер все же была первым замом, а не главой службы. И даже если бы она возглавляла Контору, то в нынешних условиях приходилось отчитываться перед разнообразными комиссиями. Со времен Чарльза Партнера, первого шефа Конторы, умершего на посту, и последнего, обладавшего неподконтрольной властью, абсолютизма не было ни у кого. В то же время сам Партнер весь, от воротника на меху до беспальных перчаток, был воплощением бойца холодной войны, а во времена холодной войны все было проще. Тогда было проще делать вид, что все упирается в существование их и нас.

Все это, разумеется, было задолго до Ривера. Обо всем этом он знал из крупиц информации, оброненных С. Ч. Дед Ривера был олицетворением конфиденциальности или, во всяком

случае, полагал себя таковым, будучи убежденным, что, всю жизнь продержав рот на замке, теперь обладал тайным знанием. Это его убеждение было непоколебимым, несмотря на бесспорную данность: больше всего на свете он обожал Конторские сплетни. Возможно, это случается с возрастом, думал Ривер. Возможно, старость укрепляет наше укоренившееся представление о самих себе и в то же время методично разрушает его основания в реальности, превращая нас в жалкое подобие людей, которыми мы были когда-то.

Рука болела. Оставалось надеяться, что никто не обратит внимания. В любом случае делать что-либо уже поздно. До Риджентс-Парка еще несколько минут ходьбы, а опоздание будет выглядеть нехорошо.

* * *

Дама средних лет, с лицом кондукторши, продержала его десять минут в вестибюле, прежде чем выписать гостевой пропуск. Конверт с подложкой, где плотно сидел ноутбук, пропустили через рентгеновскую установку, и Ривер подумал, не потерялось ли содержимое компьютера. Интересно, будь на его месте Сид, ее бы тоже заставили ждать? Или же Джеймс Уэбб распорядился морить Ривера на пороге до тех пор, пока тот не уяснит простую истину: гостевой пропуск – это все, на что он может рассчитывать отныне и навек?

Все связанное с Пауком без труда превращало Ривера в параноика.

Наконец мытарства закончились, и Риверапустили в массивные деревянные двери, за которыми находилась еще одна стойка, где распоряжался лысеющий румяный хмырь, сошедший бы за оксфордского привратника, но который, несомненно, был отставным полицейским. Он указал Риверу на банкетку. Засунув ноющую руку в карман, Ривер сел. Конверт он положил рядом. На противоположной стене висели часы. Следить за еле ползущей секундной стрелкой было тоскливо, но и не следить сложно.

За стойкой изгибом поднималась лестница. Не такая просторная, чтобы на ней можно было поставить хореографический номер для кабаре, но близко. На один безотчетный момент Ривер представил, как Сид, сходя по этой лестнице, звонко постукивает каблучками по мрамору, а все вокруг останавливаются и смотрят на нее.

Он сморгнул, и видение пропало. Отголосок шагов еще витал вроде эха, но это были чужие шаги.

Когда он впервые попал в это здание, оно напомнило ему джентльменский клуб. Теперь же его осенило, что, скорее всего, все обстоит ровно наоборот: джентльменские клубы напоминают Контору, какой она была когда-то. В те времена, когда здесь занимались тем, что называлось Большой игрой.

Через некоторое время появился еще один отставной полицейский:

– Это для Уэбба?

По-хозяйски положив руку на конверт, Ривер кивнул.

– Я ему передам.

– Мне предписано вручить лично в руки.

Сомнений быть не могло никаких. На него выписан пропуск, и вообще.

Новый знакомец, к чести его, не стал возражать:

– Тогда прошу за мной.

– Не беспокойтесь, я знаю дорогу, – сказал Ривер, исключительно чтобы прибавить себе весу.

Не прибавил.

Его повели, только не вверх по лестнице, а через двери слева от стойки, в коридор, где он никогда раньше не бывал. Толстый конверт казался теперь подарком, который он несет Пауку, хотя подобная ситуация была за гранью вероятного.

«Ты сказал: белая футболка под синей рубашкой!»

«Нет, я сказал: синяя футболка под...»

Сука ты, Паук.

– Что-что?

– Я ничего не сказал, – заверил Ривер.

Пожарные двери в конце коридора вывели на лестницу. В окно Ривер увидел, как по наклонной рампе на подземную стоянку заезжает машина. Он проследовал за провожатым вверх по лестничному маршу, затем еще по одному. На каждой площадке мигали камеры наблюдения, но он поборол искушение помахать в объектив.

Они прошли сквозь еще одни пожарные двери.

– Ну пап, нам долго еще?

Провожатый ответил недобрым взглядом. На полпути по коридору он остановился и дважды негромко стукнул в дверь.

Внезапно Ривер пожалел, что не оставил конверт на стойке в приемной. С Джеймсом Уэббом они не виделись восемь месяцев. А целый год до того были не разлей вода. Что хорошего в том, что они снова встретятся?

«Ты сказал: белая футболка под синей рубашкой!»

К тому же внезапный позыв уложить говнюка одним ударом мог оказаться необоримым. Из-за двери прозвучало приглашение войти.

– Прошу вас, сэр.

И он сделал, как его просили.

Кабинет был не такой просторный, как у них с Сид, но зато куда как лучше обставленный. Всю стену справа занимал книжный шкаф, до самого потолка заставленный папками с маркировкой по цвету, а напротив двери расположился громоздкий письменный стол, словно выточенный из корабельного остова. Перед столом стояла пара уютных кресел для посетителей, а позади него из высокого окна открывался вид на парк, сейчас – массив приглушенных бурых оттенков, но весной и летом там будет роскошное море зелени. Также позади стола, загораживая вид, располагался Джеймс Уэбб³, неизбежно прозванный Пауком.

Они не виделись восемь месяцев. А целый год до того были не разлей вода. Дружбой это не назовешь – термин одновременно слишком емкий и слишком тесный. Друг – это тот, с кем можно запросто пойти выпить, пошляться вместе, посмеяться. Все это они с Пауком делали, но не потому, что Паук был оптимальным кандидатом на роль. Скорее, потому, что вместе с Пауком они день за днем проходили штурмовую подготовку среди Дартмурских болот, которая казалась самым трудным этапом вводного курса до тех пор, пока где-то на валлийской границе не началось обучение методам и приемам устойчивости к пыткам. Устойчивости обучали не спеша. Перед тем как выстроить хладнокровие, его требовалось разрушить до основания. Разрушение осуществлялось с наибольшей эффективностью в условиях темноты. Человек, прошедший через такое, инстинктивно предпочитает общество тех, с кем разделял подобный опыт. Не ради того, чтобы было с кем его обсудить, а потому, что хотелось, чтобы окружающие, как и ты, избегали говорить о нем.

Как бы там ни было, но дружба лучше всего сохраняется среди равных и в отсутствие тайного соперничества, которому они были обязаны знанием, что оба являются кандидатами на повышение и на одну и ту же вакансию.

«Ты сказал: белая футболка под синей рубашкой!»

«Сука ты, Паук!»

И вот, восемь месяцев спустя, он сидит тут: не выше, не шире, такой же, как был.

– Ривер! – воскликнул он, поднимаясь и протягивая руку.

³ Фамилия Уэбб (Webb) созвучна английскому слову «web» – паутина.

Они были ровесниками, Ривер Картрайт и Джеймс Уэбб, и похоже сложены: оба стройные, крепкой комплекции. Но в отличие от песчано-русого Ривера, Уэбб был чернявей, предпочитал хорошо пошитые костюмы и начищенные до блеска ботинки и, казалось, сошел с рекламного стенда. Ривер подозревал, что во время штурмовой подготовки самым тяжелым испытанием для Уэбба была необходимость день за днем валяться в грязи. Сегодня на нем были пиджачная пара цвета графита в еле заметную белую строчку и серая рубашка с воротником, уголки которого пристегивались на пуговицы; с воротника свисало неременное буйство красок. Посещение дорогого салона-парикмахерской состоялось не так давно, и Ривер не удивился бы, если бы узнал, что по пути на работу Уэбб зашел побриться: горячие полотенца и учтиво-дружеская болтовня за ваши деньги.

Дружба, длившаяся ровно столько, сколько необходимо.

Ривер проигнорировал протянутую руку:

– Тебе на галстук кто-то блевнул.

– Это от Карла Унгера, деревня.

– Как поживаешь, Паук?

– Недурно, недурно.

Ривер ждал продолжения.

– Было немного непривычно поначалу, но...

– Я поинтересовался чисто из вежливости.

Паук опустил в кресло:

– Ты специально осложняешь ситуацию?

– Она и так уже сложная. И что бы я теперь ни делал, это ничего не изменит. – Он огляделся по сторонам и задержал взгляд на книжном шкафу. – А у тебя тут прилично бумажений. С чего бы это?

– Не ломай комедию.

– Нет, серьезно. Погоди, что у нас нынче приходит на бумажных носителях? – Он перевел взгляд со шкафа на письменный стол, где стоял элегантный плоский монитор, и сказал: – О господи. Только не это.

– Тебе не по рангу знать, Ривер.

– Это все заявления на работу, да? Резюме, правда? Ты разбираешь резюме.

– Я не разбираю резюме. Ты даже не представляешь себе, сколько разных документов проходит через организацию такого...

– Боже мой, Паук. Ты сидишь в кадрах. Поздравляю.

Паук облизал губы:

– В этом месяце я уже побывал на двух совещаниях у министра. А какие виды у тебя?

– Ну как сказать... у меня перед носом не торчит ничья задница, так что виды у меня получше твоих.

– Ноутбук, Ривер.

Ривер сел в кресло для посетителей и передал Уэббу плотный конверт. Уэбб достал резиновый штамп и аккуратно сделал оттиск.

– Каждое утро приходится, да?

– Что именно?

– Выставлять новую дату на штампе.

– Иногда забываю, – сказал Уэбб.

– Вот оно, тяжелое бремя высокопоставленного сотрудника, а?

– Как поживает очаровательная Сидони?

Ривер уловил попытку перехватить инициативу.

– Не знаю. Сегодня утром свалила куда-то, не успев появиться. Прилежание не зашкаливает.

– Она способный сотрудник.

– Я не верю своим ушам.

– Это правда.

– Возможно. Но елки-палки, Паук, – «способный сотрудник»? Ты воображаешь, что вернулся в Итон?

Уэбб открыл было рот, чтобы (в этом Ривер был уверен) указать, что не учился в Итоне, но вовремя спохватился:

– А ты завтракал? У нас тут есть столовая.

– Я знаю, что тут есть столовая, Паук. Я даже помню, где она расположена.

– Меня так больше не называют.

– Ну, в глаза, может, и не называют. Но сам знаешь, что иначе тебя никто не зовет.

– Детский сад, Ривер.

– Так тебе и надо, мало шоколада.

Уэбб открыл рот и снова закрыл. Конверт с подложкой лежал перед ним. Он коротко побарабанил по конверту пальцами.

– А кабинет у меня больше твоего, – сообщил Ривер.

– В ваших краях аренда ниже.

– Я думал, все самое интересное происходит наверху, в оперативном центре.

– Я там бываю постоянно. Леди Ди...

– Она сама попросила тебя называть ее так?

– Ты сегодня просто фонтанируешь юмором. У Леди Ди, у Тавернер, постоянно есть для меня работа.

Ривер подвигал бровью.

– Да ну тебя! С тобой невозможно говорить.

– Ты когда-нибудь признаешь, что ошибся?

Уэбб рассмеялся:

– Снова за свое?

– Ты сказал, что на нем белая футболка под синей рубашкой. Это твои слова. Только на самом деле это было совсем не так, правда? На нем была синяя футболка под...

– На нем было то, что я тебе сказал, Ривер. Сам посуди, допустим, я перепутал цвета – и что? В это самое время там откуда ни возьмись оказался еще один, одетый именно так, как я сказал? И выглядящий точно так же, как в ориентировке на объект? Насколько это вообще вероятно?

– А запись? То, что именно в этот момент аудиозапись переговоров отключилась? Насколько вероятно это?

– Ка-А, Ривер. Через раз случается.

– Расшифруй профану.

– Косяк аппаратуры. Думаешь, аттестационные мероприятия снаряжают по последнему слову техники? Нам урезают финансирование, Ривер. Знаешь, как на этот счет Тавернер бесится? Хотя погоди, откуда тебе это знать, правда? Ты же сидишь в Слау-башне, и все, что ты когда-либо узнаешь о происходящем в верхних эшелонах, будет почерпнуто тобой в процессе чтения мемуаров отставного...

– А для этого тоже есть аббревиатура? ЧМО?

– Знаешь, Ривер, тебе пора повзрослеть.

– А тебе пора признать, что ошибка произошла по твоей вине.

– Ошибка? – осклабился Уэбб. – Я называю это фиаско.

– В твоей ситуации, прежде чем щериться, я бы заручился серьезным прикрытием.

– Ну, я играю по лондонским правилам: никакого прикрытия мне не нужно, кроме своего собственного.

– Не обольщайся.

– Тебе пора.

– Мне кликнуть провожатого или ты уже нажал секретную кнопку?

Но Уэбб просто покачал головой. Не в качестве ответа, а лишь демонстрируя, как утомительно продолжающееся присутствие Ривера в то время, когда у него, Уэбба, масса важных дел.

И что бы Ривер ни говорил, Уэбб никогда не признается, что накосячил он сам, а не Ривер. Да и что толку от такого признания? Именно Ривер находился на платформе, именно он стал звездой экранов видеонаблюдения. В высших управленческих эшелонах на игру по правилам не обращали никакого внимания. Виноват был не тот, кто накосячил, а тот, кто попался на глаза во время косяка. Уэбб мог бы запросто теперь во всем сознаться, и Диана Тавернер бровью не повела бы.

«Тебя не выперли по одной-единственной причине, Картрайт, – твои связи. Если бы не твой дедуля, ты давно стал бы отдаленным воспоминанием».

Ривер поднялся, надеясь, что прощальная реплика придет в голову по дороге на выход. Что-нибудь, что избавит от ощущения, что его выставили вон. Что его выставил вон Джеймс Уэбб, сучий Паук, который тем временем произнес:

– У Лэма что, защитного кейса не было?

– Чего?

– Защитного кейса, Ривер. – Уэбб постучал по конверту. – Из тех, что нельзя открыть без ключа. Если не хочешь магниевых фейерверков.

– Да, я слышал о таких. Но, честно говоря, для Слау-башни и конверт с подложкой – роскошь.

Нужда в прощальной реплике, таким образом, отпала. Плотнo сжимая обожженной рукой флешку в кармане, он вышел.

4

Когда неведомая сила к паденью женщину склонила⁴, хорошего не жди. Так, что ли, там было? Не важно. Когда неведомая сила к паденью женщину склонила, что-то да случится.

Эти мысли посещали ее с безжалостной регулярностью, привычные, как цоканье каблучков по лестнице на пути в квартиру. Когда неведомая сила к паденью женщину склонила... Прицепившаяся фраза, подхваченная с рекламы в метро, будет крутиться в голове весь вечер.

Когда неведомая сила к паденью женщину склонила, все катится к чертям.

Кэтрин Стэндиш, давно проведив свое сорокавосемилетие, и так знала, что ничего хорошего больше ждать не следует. Теперь ей не хватало только, чтобы еще и подсознание постоянно твердило об этом.

Когда-то она была мила. Ей об этом многие говорили. Особенно один. «Ты милашка, – говорил он, – только, похоже, у тебя в жизни бывали жуткие моменты». Ей до сих пор казалось, что он думал, будто делает ей комплимент.

Теперь у нее не было никого, кто говорил бы ей, что она милашка, а если бы кто и был, то навряд ли бы сказал. Жуткие моменты победили. Для Кэтрин это звучало определением старости. Жуткие моменты победили.

У дверей квартиры она опустила на пол сумку с покупками и принялась рыться в поисках ключей. Нашла. Вошла. В прихожей горел свет, потому что включался по таймеру. Кэтрин не любила заходить в темные помещения, пускай даже нашарить выключатель заняло бы не больше пары секунд. На кухне она разобрала покупки: кофе в шкаф, овощи в холодильник. Потом отнесла тубик пасты в ванную, где свет зажегся по тому же таймеру. На это тоже была своя причина.

Самым жутким моментом было то утро, когда она вошла в квартиру своего босса и нашла его в ванной мертвым. Он застрелился. Но перед этим сел в ванну, словно не хотел пачкать полы.

«У вас были ключи от дома? – допытывались у нее потом. – У вас были ключи? С каких это пор?»

Допытывались, разумеется, Псы. Вернее, один Пес по имени Сэм Чапмен и по прозвищу Жучара. Чернявый и неприятный, он прекрасно знал, что у нее были ключи от дома Чарльза Партнера, потому что все вокруг знали о том, что у нее были ключи от дома Чарльза Партнера. И он так же прекрасно знал, что это было не потому, что у них роман, а просто потому, что Чарльз Партнер абсолютно беспомощен в элементарных бытовых вопросах, таких как своевременная закупка продуктов, затем их своевременное приготовление, затем своевременное выбрасывание в помойку, после того как он забыл их своевременно съесть. Чарльз был на двадцать лет старше Кэтрин, но их отношения не укладывались и в формат папа – дочка. Вопреки очевидным сплетням ситуация обстояла иным образом: Кэтрин работала под его началом, заботилась о нем и ходила для него за покупками. И когда он застрелился, обнаружила его тело в ванной. Жучара Сэм мог рычать, сколько его душе угодно, однако все это были лишь формальности, связанные с тем, что тело обнаружила именно Кэтрин.

Забавно, как быстро из Чарльза Партнера (имя его, разумеется, не было широко известно общественности, однако от решений его зависели жизнь и смерть значительного количества представителей этой общественности, а это, как ни крути, не пустяки) он превратился в «тело».

⁴ Цитата из романа англо-ирландского писателя и драматурга Оливера Голдсмита «Вэкфильдский священник» (1766, перев. В. Левика), впоследствии использованная Т. С. Элиотом в поэме «Бесплодная земля» (1922, в перев. С. Степанова «Когда девица во грехе падет...»).

Всего лишь один осознанный момент в ванне. Сам-то он боялся запачкать полы, но тот сви-нарник, который он оставил после себя, пришлось разгребать другим. Забавно.

Менее забавной была прыть, с которой жуткие моменты накапливались один за другим.

Так как она все равно была в ванной, а свет все равно горел, ей сложно было не пой-мать отражение в зеркале. Ничего нового оно не показало. Да, жуткие моменты действительно накапливались, но это было полбеды. Одними изъязнами нас награждает генетика. Другие мы дарим себе сами. В холодную погоду у нее всегда краснел кончик носа, равно как и скулы. Это придавало ей бабский, грубоватый вид. С этим ничего не поделаешь. Но все остальное – паутинка полопавшихся сосудов, иссохшая кожа, обтягивающая лицевые кости, – все это рисовало еще одну картину, за ее собственным авторством.

Меня зовут Кэтрин, я – алкоголик.

К тому времени, когда она сумела сформулировать эту фразу, спиртное уже превратилось в проблему. До этого оно представлялось выходом. Нет, это звучит слишком легкомысленно. Скорее, до этого спиртное совсем ничем не представлялось, оно просто присутствовало. Порой в качестве театрального реквизита (топить горести в вине превратилось в такую заезженную метафору, что казалось, без бокала вина нельзя уже и поплакать над своим разбитым сердцем толком, по-настоящему), но чаще – просто привычным фоном. Оно было самым естественным атрибутом вечера, проведенного дома наедине с телевизором, и абсолютно обязательным – вечера в компании подружек. Вдобавок в то время Кэтрин часто ходила на свидания, а какое свидание обходится без бокала-другого? Поход в ресторан сопровождался выпивкой; поход в кино завершался выпивкой после сеанса. А если под конец набраться храбрости и пригласить его подняться на чашку кофе, то тут и подавно никуда без спиртного, и в конечном итоге...

...В конечном итоге если нужен кто-то рядом для того, чтобы не просыпаться среди ночи с осознанием, что ты совершенно одна, то с этим кем-то необходимо трахаться, и рано или поздно трахаться придется уже не с кем-то, а с кем-нибудь, а из всех ситуаций в таких – спиртное просто незаменимо.

Вот говорят: скользкая дорожка – ступишь и покатишься. Это подразумевает нарастающую скорость скольжения и постоянную угрозу потери равновесия. В конце концов летишь кувырком, плюхаешься навзничь и лежишь, откашливаясь. Кэтрин же двигалась по маршруту иначе; она не катилась, а словно неспешно спускалась на эскалаторе (не столько стремительное падение, сколько нудная поездка), провожая взглядом едущих навстречу и вверх и разду-мывая, не лучше ли последовать за ними. И в то же время что-то ей говорило, что поменять эскалаторы она сможет не прежде, чем доедет до конца.

И когда это случилось, Чарльз Партнер оказался рядом. Слава богу, не в буквальном смысле слова. Физически его не было рядом, когда она очнулась в незнакомой квартире, со сломанной скулой и с синяками на бедрах, оставленными чьими-то пальцами. Но он помог ей выкарабкаться. Кэтрин провела некоторое время в заведении, пребывание в котором она никогда бы не смогла себе позволить, если бы платить пришлось самой. Курс лечения был основательным. Включая психотерапевта. Ей было сказано, что все это осуществлено в стро-гом соответствии с внутренним регламентом Конторы («Думаешь, ты первая? – было сказано ей. – Думаешь, ты одна такая, кого это в конце концов доломало?»), но она была уверена, что внутренним регламентом не ограничилось. Потому что после лечебницы, после просыха-ния и после бесконечных первых шести месяцев трезвой жизни она появилась в Риджентс-Парке, ожидая перевода в какое-нибудь захолустье, но вместо этого заступила на свою преж-нюю должность привратницы Чарльза.

В то время она могла расплакаться практически по любому поводу, однако этот казался одним из самых заслуживающих подобной реакции. Они ведь даже дружны не были. Порой он называл ее Манипенни, но этим и ограничивалось. И даже впоследствии их отношения нельзя было назвать дружескими, хотя она и заметила, что он ни разу больше не назвал ее Манипенни.

И то, что произошло, они ни разу не обсуждали, за исключением того первого утра, когда он спросил ее, пришла ли она в себя как следует. Она дала ему ответ, на который он рассчитывал, хоть и понимала, что в себя прежнюю ей дорога заказана навсегда. С того дня все пошло по старому, словно ничего не случилось.

Но он позаботился о ней в трудную минуту, и в ответ она заботилась о нем. Так они провели еще три года вместе, на исходе первого из которых она начала играть роль в его вне-служебной жизни. Он был не женат. Она давно отметила сопровождавшую его ауру неухоженности. Он был не то чтобы нечистоплотен, но нечистоплотность отчетливо маячила впереди, тогда как дрянное питание уже являлось непреложным фактом. Ему требовался уход. Ей также требовалось что-то. Ей больше не нужно было просыпаться с незнакомцами, но ей нужно было что-то. Этим чем-то оказался Партнер.

И она заполняла его морозилку и договаривалась с еженедельной домработницей; следила за расписанием встреч, чтобы у него хоть изредка выдавался выходной. Она встала преградой между ним и самыми неприятными из его подчиненных – свирепой Дианой Тавернер для начала. И проделывала все это, оставаясь чем-то вроде привычной мебели: физического контакта между ними не было никогда и он никогда не относился к ней иначе как к секретарше. Но она заботилась о нем.

Однако заботилась недостаточно, чтобы вовремя увидеть, что той помощи, которую она могла оказать, было мало.

Она склонила голову набок, дав прядке волос упасть на лицо. Может, подкраситься? Выпустить блондинку на волю? Но кого ради? Да и заметит ли кто? За исключением отвратного Джексона Лэма, который не преминет ее высмеять.

Она понимала, что после смерти Чарльза Партнера для нее не оставалось места в Риджентс-Парке. Однако заточение в Слау-башню казалось отсроченным наказанием за давно искупленное прегрешение. Иногда она думала, что прегрешение это не ограничивалось ее пьянством в прошлом и что ее каким-то образом винули в самоубийстве Чарльза. В том, что она не смогла предвидеть этого. Но как его было предвидеть? Всю жизнь занимаясь чужими секретами, Чарльз Партнер уж что-что, а умел хранить собственные. «У вас были ключи от дома?» – допытывались у нее. А еще: «Вы ожидали, что это произойдет?» Разумеется, она не ожидала. Но теперь казалось, что никто ей тогда так и не поверил.

Древняя история. Чарльз Партнер давно истлел, однако она вспоминала его почти каждый день.

Она вернулась к своему отражению. К своей нынешней жизни. Когда неведомая сила к паденью женщину склонила, вот чем это для нее закончилось.

Меня зовут Кэтрин, я – алкоголик.

Вот уже десять лет, как она не притрагивалась к спиртному. И тем не менее.

Меня зовут Кэтрин, я – алкоголик.

Она погасила свет в ванной и пошла готовить ужин.

* * *

Часть вечера Мин Харпер посвятил телефонному разговору с сыновьями (девять и одиннадцать). Год назад такой разговор с избытком снабдил бы его информацией о компьютерных играх и телесериалах, но оба, похоже, переступили черту одновременно, и теперь разговаривать с ними было все равно что пытаться беседовать с парой холодильников. Почему так случилось? Ведь должны же были сработать какие-то предупредительные сигналы? К тому же что касалось девятилетнего, не полагалась ли ему небольшая отсрочка? Еще немного детства, прежде чем подкрадется взросление? Но выжимать из него информацию было как скрести

булыжник. К тому моменту, когда трубку взяла бывшая жена, Мин готов был предъявить ей это все, однако она и слушать не хотела:

– Это пройдет. Со мной они ведут себя так же. С той разницей, что со мной они только хмыкают и молчат. А я только готовлю и мою посуду. Так что не надо мне говорить, что ты волнуешься, ладно?

– Ты их хотя бы видишь.

– Адрес тебе известен. Появляться чаще чем раз в неделю выше твоих сил?

Он мог бы зайти с тыла, упомянув ненормированный рабочий день, расстояние до них, но супружеская жизнь научила его, что стоит только обозначить линию фронта, как поражение становится вопросом времени.

Потом он не мог найти себе места. После таких звонков сложно было не начать думать о том, куда завезла его кривая; о том свободном падении, начало которого определялось с точностью до секунды. Тот идиотский момент, до которого у него были жена, семья и карьера, со всей полагающейся атрибутикой: и регулярными посещениями стоматолога, и тревогами по поводу ипотеки, и ежемесячными счетами. Кое-что из этого, конечно, продолжало оставаться актуальным, однако вся целесообразность, вся ценность этих свидетельств того, что он живет полноценной и правильной жизнью, все это испарилось в дурацкую секунду: в ту самую, когда он забыл компакт-диск в вагоне метро. И потом не догадывался об этом до утра.

Вряд ли многие могут похвастать крушением карьеры, состоявшимся в прямом эфире Четвертой программы «Радио Би-би-си». Вспоминать об этом было больно. Самым болезненным воспоминанием было не чувство всепоглощающей, тошнотворной паники, когда до него дошло, что обсуждаемому по радио предмету полагается находиться на хранении у него; самым болезненным было воспоминание, как он стоял себе и спокойно брился, думая: «Хорошо, что несчастный сукин сын, из-за которого заварилась эта каша, – не я». Вот что было самым невыносимым: по всей стране люди думали то же самое, а он был единственным, кто не имел оснований так думать.

Затем последовали другие, более продолжительные болезненные моменты. Допросы-беседы с Псами. Импровизации юмористов по телику на тему дебилов в спецслужбах. Прохождение на улице не знали, что это он, Мин, выставлен на посмешище, но все равно – они смеялись над ним.

Хуже всего было то, что причину косяка отнесли на счет непрофессионализма. Версия измены вообще не рассматривалась всерьез; никто даже не выдвинул предположение, что забытый в вагоне метро на ветке Пикадилли отчет о недоработках в системе безопасности пятого терминала Хитроу на самом деле являлся неудачной попыткой осуществить закладку. В этом случае у Мина Харпера была бы возможность сохранить хоть какое-то уважение коллег: его назвали бы заблудшим идеалистом, или корыстолюбцем, или, на худой конец, сознательным идеологическим противником; но – нет, даже Псы в конце концов пришли к выводу, что он просто-напросто дурак. Случись это в любое другое время, он в одночасье бы вылетел со службы, но в этом году комбинация таких факторов, как мораторий на набор новых сотрудников и урезание финансирования, означала, что увольнение Мина повлекло бы автоматическое сокращение его должности, и, таким образом, было принято стратегическое решение держать его в штате до тех пор, когда можно будет подумать о замене.

Риджентс-Парк, однако, остался для него в прошлом.

Мин проверил карманы, напомнил себе не делать этого, потом налил выпить и переключил радио на спортивную программу. Под звуки нарезки из комментариев к зарубежному тестовому матчу Мин предался мысленному переписыванию собственной биографии в сослагательном наклонении: ему представлялись картины более размеренной жизни, в которой он почти вышел из вагона на «Глостер-роуд», но в последний момент заметил забытый на сиденье диск, вернулся и подобрал его, и на затылок повеяло обжигающим холодком от осозна-

ния едва предотвращенной катастрофы, и как такое же ощущение возникло бы у него позже тем вечером, когда он укладывал мальчишек спать, и как потом он навсегда забыл бы об этом происшествии, а его карьера и жизнь пошли бы своим чередом: семья, дети, работа; плановая стоматология, ипотека, счета.

Как это часто случалось, когда он пытался отвлечься от таких мыслей, Мин, выводя себя из оцепенения, громко застонал, но его никто не услышал. В доме не было никого, кроме него и радио. А что касалось телефона – что ж, после общения с непрошибаемыми отпрысками и препирательств с экс-супругой звонить больше было некому. И Мин выключил телефон.

* * *

Луиза Гай вернулась в свою съемную однокомнатную квартиру, окинула взглядом четыре стены (насколько стены было можно разглядеть из-за массы громоздившегося вдоль них барахла: стопки книг и компакт-дисков, непросохшая стирка на складной сушилке) и, если бы не еще более удручающие альтернативы пребыванию дома, немедленно бы развернулась и вышла вон. Она разогрела в микроволновке лазанью и посмотрела программу про недвижимость. Цены на жилье стремительно падали, к печали собственников, оставаясь при этом запредельными для съемщиков.

Телефон хранил молчание. Это было не то чтобы совсем необычно, но все-таки. Все-таки хоть кто-то мог бы не полениться набрать ее номер. Спросить, как у нее дела. Что интересного у нее было в последнее время.

Она положила тарелку отмокать в раковину. Переключила канал. Кто-то вещал, что красные пилюли-плацебо эффективнее синих. Неужели это так? Неужели человеческий мозг так легко облапошить?

Собственный ее мозг чувствовал себя облапошенным постоянно; не то чтобы поддавшимся на трюкачество, а скорее угнетенным в безропотность. По ночам, закрыв глаза, она видела, как по изнанке век несутся массивы неразборчивых данных. Она регулярно просыпалась среди ночи, вырванная из объятий сна ощущением, что ей удалось заметить какое-то отклонение, какой-то сбой в алгоритме, истинное значение которого она вот-вот осознает, а осознав, реабилитирует себя как профессионала. Но значение неизменно ускользало от нее, и она, окончательно проснувшись, так и лежала, прижавшись бессонной головой к подушке, которая всегда была слишком тощей и слишком горячей, независимо от того, как холодна была вся остальная постель.

«Господи, – думала Луиза каждый раз. – Ну сколько можно? Ну неужели нельзя хотя бы один раз выспаться как следует? Ну пожалуйста!»

А утром снова принималась за ту же работу.

Сетевой мониторинг. Не для того поступала она на службу в Контору. Ей представлялась совсем другая работа, но досталась в конце концов именно эта. И это в самом деле ощущалось как конец концов и что никакого другого будущего у нее никогда не будет, кроме того, которое каждое утро ждало ее за облупившейся дверью черного входа Слау-башни и тянулось одной бесконечной минутой за другой вплоть до того, как дверь закрывалась за ней на выходе. Все оставшееся время посвящалось негодованию по поводу такой несправедливости.

Ей нужно уволиться. Вот что ей нужно сделать. Просто взять и уволиться.

Но увольнение означало бы капитуляцию. А она поступала в Контору не для того, чтобы капитулировать.

Сетевой мониторинг заключался в наблюдении за киберпространством, в троллинге воинствующих недоумков блогосферы. Некоторые сайты, которые она курировала, были троянскими конями, созданными Конторой специально для приманки потенциально нелояльных элементов; другие, возможно, принадлежали спецслужбам иных держав. Порой ей казалось,

что она отирается в чатах, обитатели которых все до одного состоят из агентуры; этакий шпионский эквивалент подростковых сайтов, населенных исключительно мужчинами средних лет. Как бы там ни было, сайты эти отвечали разнообразным запросам: от прямолинейных (как сделать бомбу своими руками) и якобы образовательных (истинный смысл ислама) вплоть до никем не регулируемых свободных форумов, где споры шкварчали и брызгали, словно старая фритюрница, а ненависть брала верх над грамматикой.

Чтобы сойти за своего среди обитателей этого мира, ей пришлось забыть все, что она когда-либо знала о грамматике, хорошем вкусе, орфографии, вежливости и литературоведении.

Все это казалось бесполезным. Хуже того – невозможным. Как, в самом деле, определить, что за какими-то словами скрывается нечто более тревожное, чем слова, опираясь исключительно на эти самые слова? Которые к тому же всегда одни и те же: злобные, желчные, жестокие. Несколько раз ей казалось, что какой-то голос звучит злоеущее других, и она докладывала информацию по цепочке наверх. Где, видимо, на основании этих сведений предпринимались какие-то шаги: пробивали ай-пи-адреса, вычисляли обозленных юнцов из спальных районов. Хотя, возможно, она занималась самообманом. Возможно, все идентифицированные потенциальные террористы были такими же призраками, как она сама, другими агентами, которые сидели в других кабинетах и передавали по цепочке ее данные в то самое время, как она передавала их. Далеко не единственный аспект Войны с террором, на проверку оказавшийся сеансом группового онанизма. Ее место было там, на городских улицах, за настоящей работой. Но она уже однажды пробовала. И облажалась.

Всякий раз, вспоминая об этом (что случалось очень часто), она стискивала зубы. Иногда она вспоминала об этом, не отдавая себе отчета, о чем думает; оповещением служили скрип зубов и ноющие скулы.

Ее первое полевое задание – наружное наблюдение; первый раз, когда все происходило взаправду. Она шла за парнем. До этого ей, разумеется, и раньше приходилось ходить за парнями, но не так, как сейчас: держа дистанцию, не выпуская из виду, но и не приближаясь настолько, чтобы он почувствовал ее присутствие.

Наружное наблюдение осуществлялось группами как минимум из трех человек. В тот день их было пятеро: двое впереди, трое сзади. Задняя тройка постоянно менялась местами, словно танцевала сельский контрданс. Только все это происходило на улицах города.

Парень, которого они вели, – чернокожий пацан с диаметрально противоположным таблоидным стереотипам внешним видом: деловой костюм в тонкую полоску и очки в пластмассовой оправе – координировал закладку огнестрельного оружия. Неделю назад неизвестными была похищена партия списанных и обезвреженных стволов, отправлявшихся в переплавку. Однако статус «обезвреженного» подвержен внезапным метаморфозам в той же мере, как статус «холостого» или «замужней». Стволы похитили не потому, что из них вышли бы симпатичные пресс-папье. Их похитили, чтобы привести в рабочее состояние и распределить по городским районам.

– Третий? Принимайте объект.

Прозвучавшая в наушнике команда означала, что ей следовало возглавить шествие.

Впереди агент, шедший по пятам объекта, начал сбавлять шаг; покрутившись у газетного киоска, он чуть позже снова присоединится к процессии. Пока же ведущая позиция была у нее. Объект продолжал размеренно двигаться вперед. Это означало, что он либо не догадывается о слежке, либо настолько привык к ней, что совершенно не тревожится.

Она тогда еще подумала: «Не догадывается».

Не догадывается. Не догадывается. Если повторять любую фразу достаточное количество раз, она теряет смысл. «Не догадывается».

Не прошло и минуты, как объект вошел в магазин одежды.

Ничего особо подозрительного в этом не было. Он любит хорошо одеваться, это очевидно. Тем не менее в магазинах удобно назначать встречи. Очереди, толкотня. И примерочные. Все это предоставляет удобные возможности. Он вошел в магазин, она вошла следом.

И тут же его потеряла.

Во время разбора полетов, который начался в тот же день и продолжался в течение нескольких недель, в воздухе витало негласное обвинение в расизме. Что все чернокожие парни для нее на одно лицо. Это была неправда. Она отчетливо держала в уме портрет объекта и помнила его даже теперь: подбородок с ямкой, предельно четкая линия волос. Дело было в том, что в магазине оказалось еще по меньшей мере шесть чернокожих юнцов – такого же роста, в таких же костюмах, с такими же прическами – и все они вступили в игру.

Как выяснилось позже, в магазине объект провел менее трех минут. В примерочной кабинке он избавился от делового костюма. Снова выйдя на улицу, объект уже не выделялся ничем: темные очки, просторная серая фуфайка, мешковатые джинсы. Он прошел в двух шагах от Второго, который входил в магазин, чтобы подстраховать Луизу, и незамеченным миновал Первого, Четвертого и Пятого. В то время как на Третьего – Луизу – начинала потихоньку надвигаться паника. Рабочий день тогда выдался паршивым.

Но самое паршивое началось, когда стволы стали всплывать один за другим: в налетах на банки, в ограблениях, в уличных перестрелках...

Одной из их жертв стала карьера Луизы Гай.

Она подумала, не выпить ли еще, но потом решила, что лучше выключить телевизор и лечь спать. И хотя это лишь приблизит наступление утра, по крайней мере, между ним и настоящим будет забвение.

Но забвение заставило себя ждать. Еще с час она пролежала в темноте, пока несвязные мысли о том о сем тревожили и не давали заснуть.

Интересно, думала она, чем сейчас занят Мин Харпер?

* * *

Джед Моды протиснулся сквозь толпу у входа и захватил столик на тротуаре, за которым и выкурил три сигареты под первую пинту. Заведения на противоположной стороне улицы складывались в коммерческий палиндром – корейская бакалея, служба доставки, агентство недвижимости, служба доставки, корейская бакалея, – а мимо с шумной регулярностью проезжали автобусы. Допив пинту, он отправился за второй, но на этот раз поднялся с ней наверх, где столики расположены вдоль антресольной балюстрады и откуда удобно наблюдать копошащуюся внизу толпу. Пинта была наполовину выпита, когда к нему подошел Ник Даффи:

– Джед.

– Ник.

Даффи сел.

Ник Даффи, которому до полтинника оставался год-другой, был служебным ровесником Моды: когда-то они вместе проходили курс подготовки, а по прошествии лет десяти оба стали Псами – сотрудниками собственной безопасности Конторы. Псарня размещалась в Риджентс-Парке, но доступ у них был повсюду. Сам Моды так и не выбрался никуда дальше Марселя (где младшего оперативника прирезала проститутка-трансуха, как потом выяснилось – перепутав с кем-то еще), тогда как Даффи побывал даже в Вашингтоне. Теперь он носил короткий ежик и – как и Моды – был в пиджаке, однако без галстука. Они, должно быть, похожи на коллег, встретившихся после работы, думал Моды. На бухгалтеров, или на риелторов, или на букмекеров. Наблюдательный взгляд, возможно, признал бы в них полицейских не при исполнении. И лишь один из миллиона определил бы Контору. И такого говнюка следовало бы, по мнению Моды, хорошенько прошупать по базам.

– Весь в работе? – спросил он.

– Сам знаешь.

Это означало, что он не знает. И знать ему не положено.

– Я не выпытываю инфу, Ник. Просто спросил, как у тебя дела.

Даффи, наклонив голову, всматривался в толпу под балконом.

– Глянь. В самом конце.

Первой мыслью Моды было, что он засек хвост. Второй было – а, ясно. За барной стойкой, в самом конце ее, сидели две девицы, из чьих юбок можно было бы скроить одну приличных размеров салфетку для протирки очков.

На одной были красные трусики.

Даффи ждал его реакции.

– Смеешься, что ли? – спросил Моды.

– Старость не радость?

– Я тебя не на гулянку звал.

– Да что ты говоришь.

– А позвал бы, так точно не сюда. Здесь без антибиотиков делать нечего.

– Да ты нынче в ударе, Джед. Что ни минута, то хохма. – И, словно проверяя этот тезис, Даффи глянул на часы, а потом поднял пинту и сделал несколько больших долгих глотков.

Поэтому Моды перешел к делу:

– Ты с Тавернер много общаешься?

Даффи поправил картонную подставочку и аккуратно опустил на нее стакан.

– Она коммуникабельная?

– Если говорить о коммуникабельности, – сказал Даффи, – то вон та блондиночка разве что сигнальные ракеты не пускает.

– Ник...

– Ты хочешь, чтобы я тебе разжевал?

На этом все и закончилось, так и не начавшись. В шести словах Даффи дал понять, что ему лучше не заикаться на эту тему.

– Мне нужен шанс, Ник. Один-единственный крошечный шанс. Я не налажаю.

– Джед, я с ней почти не вижусь.

– Ты видишься с ней в десять раз чаще, чем я.

– Чего бы ты от нее ни хотел...

– Да не я от нее, а...

– ...ты этого не получишь.

Моды осекся и замолчал.

– После прошлогоднего скандала, – продолжал Даффи, – им позарез нужен был козел отпущения. Сэм Чапмен подал в отставку, и это было уже что-то, для начала. Но он сделал это добровольно, а нужна была еще и какая-нибудь невинная жертва для заклания. Этой жертвой стал ты.

– Но меня же не выставили?

– Полагаешь, ты все еще внутри?

Моды не ответил.

Даффи – такая уж была у него работа – провернул рукоятку ножа:

– Слау-башня – это не «внутри», Джед. Центр вселенной находится в Риджентс-Парке. Что касается Псов, то сам знаешь. Мы рыщем по коридорам. Обнюхиваем каждого, кого нам заблагорассудится. Наша задача – чтобы каждый занимался тем, чем ему положено заниматься, и никто – чем ему заниматься не положено. И если он этим занимается – мы его кусаем. Поэтому нас и зовут Псами.

Все это он проговорил легко и непринужденно. Со стороны могло бы показаться, что он рассказывает анекдот.

– А в Слау-башне вы занимаетесь... Напомни-ка мне, Джед, чем вы там занимаетесь? Гоняете засидевшихся на автобусной остановке. Следите, чтобы никто не воровал с работы скрепки. Отираетесь у кофеварки, слушая рассказы о чужих косяках. Вот. И. Все.

Моди молчал.

– Я знаю, что хвоста за мной не было, – сказал Даффи, – потому что сам решаю, кто за кем следит. И за тобой тоже не было, потому что ты никому не интересен. Можешь мне поверить. Никто за тобой не присматривает, Джед. Главный просто подмахнул бумажку и забыл о твоём существовании. Точка.

Моди молчал.

– А если ты все никак не можешь успокоиться, попробуй взяться за что-нибудь другое. Вот когда полицейских вышибают с работы, они идут в охранники. Не думал на эту тему, Джед? Получишь форму и все такое. Кабинет с прекрасным видом на парковку. Не зацкливайся на прошлом, двигай дальше.

– Меня не вышибли.

– Да. Но ожидали, что ты сам подашь на увольнение. До тебя еще не дошло, что ли?

Моди набычился и полез было в карман за сигаретами, однако спохватился насчет реалий современности. Он уже и не помнил, когда последний раз курил в пивной. С другой стороны, а когда он в последний раз выпивал с коллегой и обменивался служебными шутками? Или был доволен тем, что он Джед Моди? Рука в кармане сжалась в кулак. Он разжал его, размял пальцы, положил руки на стол перед собой.

– Он что-то замышляет.

– Кто?

– Джексон Лэм.

– Последний раз Джексон Лэм замышлял что-то серьезнее, чем пустить ветры, – сказал Даффи, – когда Джеффри Бойкотт⁵ играл за Англию.

– Он послал сотрудника на оперативное задание. Сотрудника по имени Сид Бейкер.

– Так-так.

– Я серьезно.

– Джед, нам это прекрасно известно. Думаешь, Лэм может хоть пернуть без предварительного согласования? – Он снова поднес стакан ко рту, но тот был пуст. Даффи поставил стакан на место. – Мне пора. Совещание ни свет ни заря. Сам знаешь.

– Что-то по поводу журналюги, – сказал Моди, стараясь, чтобы голос не выдавал отчаяния; надо было на доступном Даффи уровне втолковать, что если Слау-башне поручена оперативная работа, то он, Моди, должен быть задействован.

Бог свидетель, у него больше опыта, чем у всех остальных, вместе взятых. Что Сид Бейкер едва выбралась из подготовительного подгузника, Картрайт завалил Кингс-Кросс, Хо не видит дальше интернета, а от остальных толку меньше, чем от магнитиков на холодильник. Только Моди по-настоящему знает, как высаживать двери. И не надо ему рассказывать, что дело не в высаживании дверей. Он и так знает, что дело не в высаживании дверей. Но если ты проводишь операцию, тебе нужен тот, кто знает, как посадить дверь. Потому что рано или поздно кому-то, как ни крути, придется это сделать.

– Позволь, я дам тебе один совет, Джед, – сказал Даффи. – Джексон Лэм имеет не больше полномочий, чем гардеробщица. А ты стоишь на три ступеньки ниже. Нам известно, чем занимался Бейкер, и только последний дилетант станет называть это оперативным заданием. Это было поручение. Улавливаешь разницу? Мелкое поручение. Думаешь, мы бы доверили ему

⁵ Джеффри Бойкотт (р. 1940) – известный английский крикетист, играл за команду Англии с 1964 по 1982 г.

что-то серьезное? – Продолжая говорить, он поднялся из-за стола. – Пинта за мой счет. Без обид, ладно? Если что-то проклянется, я дам знать. Только ничего не проклянется.

Моди смотрел, как Даффи скрылся на лестнице, потом появился внизу у бара, дал денег бармену, большим пальцем ткнул в сторону Моди. Бармен глянул вверх, кивнул и скормил наличность кассе.

По пути к выходу Даффи притормозил возле короткобючной блондинки. Сказал ей что-то, от чего та сначала вытаращилась, а потом взвизгнула и закатилась. Даффи еще не ушел, а она уже, прильнув к подружке, передавала той его слова. Какая-нибудь беззлобная похабщина, очередной наскок-отход будним вечером.

Джед Моди допил пиво и откинулся на спинку стула. «Ладно, сучонок, – думал он. – Положим, тебе известно все, а мне ничего. Положим, я сижу в подсобке, пока ты ходишь на совещания ни свет ни заря и решаешь, кто за кем следит. Мне досталась шваль. Тебе пришли тузы. Но если ты такой всезнайка, то почему ты думаешь, что Сид Бейкер – мужик?»

Он не стал забирать предоплаченную Даффи пинту. Это была хоть и маленькая, но победа, а курочка – по зернышку.

* * *

Оперативный псевдоним себе Родерик Хо придумал много-много лет назад (сколько именно, он уточнять не любил). Мало того, он даже отрепетировал, как станет отвечать при первом обращении. Он скажет: «Давай порадуй меня, подонок» или: «Думаешь, тебе повезет, подонок?». Как и должно отвечать, если тебя называют Клинт.

Родерик Хо = Вествард-Хо = Иствард-Хо⁶ = Иствуд. Клинт.

Но никто ни разу так и не назвал его Клинтом. Возможно, политкорректность не допускала употребления ориентальной элизии, в результате которой «вествард» трансформировался в «иствард» – «иствуд».

А возможно, он просто слишком многого ожидал от своих коллег. Возможно, они никогда и не слышали о Вествард-Хо.

Вообще, все они были дебилы. Со всех сторон его окружали сплошные дебилы. Ни один из них не был способен придумать каламбур даже при помощи толкового словаря и доски для скрэббла.

Как Луиза Гай, как Мин Харпер, Хо этим вечером тоже был дома, но, в отличие от них, его дом был его собственностью, настоящим домом, а не квартирой.

Это был довольно странный дом, хотя Хо тут и был ни при чем: дом был странен уже на момент его приобретения Хо.

Странность дома заключалась в зимнем саду, занимавшем верхний этаж – надстройку с остекленной крышей и кафельным полом. Риелторша почему зря распиналась по поводу данного архитектурного элемента, указывая на массу комнатных растений, создающих «уникальный микроклимат», и так и сыпля эпитетами «натуральный», «природный» и прочей экоерундой в том же духе. Хо кивал, будто ему и впрямь было дело до этого, а сам тем временем прикидывал, сколько электроники он сможет здесь разместить после того, как вышвырнет на фиг всю эту экохрень. По его расчетам выходило, что довольно приличное количество. Расчеты оказались предельно точными: именно такое количество тут в конечном итоге и разместилось.

И вот теперь он сидел в окружении довольно приличного количества разнообразных электронных устройств; иные терпеливо ожидали его прикосновения, иные – деловито гудели,

⁶ Westward Ho, Eastward Ho – флотские команды «курс на запад», «курс на восток» (англ.); Вествард-Хо – название английской деревни на побережье в графстве Девон.

выполняя запрограммированные команды, а одно – выдавало дэт-метал на таких децибелах, что дрожало все остальное железо.

Он отдавал себе отчет, что уже староват для такой музыки. Он также отдавал себе отчет, что староват и для таких децибелов. Но это – его музыка и его дом; а что до соседей, то они были студентами, и если бы Хо не устраивал собственный тарарам, ему пришлось бы слушать соседский.

В данный момент он просматривал файлы с персональными учетными карточками сотрудников министерства внутренних дел. Не в поисках чего-либо конкретного, а просто имел доступ – вот и просматривал.

Его родители уехали из Гонконга за десять лет до передачи управления бывшей колонией, и Хо – одержимый возможностями и вероятностями, а с ранней юности жадно поглощавший книги о принятии решений (если сутками напролет без сна и отдыха не играл в «Подземелья и драконы») – часто думал о том, как сложилась бы жизнь, если бы они остались. Практически наверняка он был бы сейчас программером в более коммерчески ориентированной отрасли: в разработке софтов или спецэффектов – или же холуйствовал бы на благо какой-нибудь гигантской безликой корпорации, чьи щупальца простираются в каждый закоулок обитаемого мира. Практически наверняка денег он заколачивал бы намного больше, чем сейчас. Но возможностей, которыми он сейчас располагал, у него бы не было.

Накануне у него состоялось свидание с девушкой, с которой он тем же утром познакомился в метро. Во время свидания они не обменялись ни словом. Как это часто бывает на первых свиданиях.

Волосы светло-никакого оттенка, уставная форма офисной мыши из Сити (темно-серые жакет и юбка, белая блузка); внимание Хо привлек ее служебный пропуск, болтавшийся на цепочке вокруг шеи. Хо, повиснув на поручне в восьми дюймах от нее, без особого труда разобрал имя-фамилию и через десять минут по прибытии в Слау-башню уже знал ее домашний адрес, семейное положение (не замужем), рейтинг кредитоспособности (довольно приличный), историю болезни (обычные женские дела) и теперь копался в ее почтовом ящике. Служебное. Спам. Легкий флирт с коллегой, заранее обреченный. Помимо того, она хотела приобрести поддержанный автомобиль и отозвалась на объявление о продаже, размещенное в бесплатной районной малотиражке. Продавец ей пока не ответил.

Хо позвонил ему и выяснил, что машина уже продана, но известить об этом неудачливых претендентов тот не удосужился. Ничего страшного, заверил его Хо, прежде чем набрать номер девушки и осведомиться, интересуется ли она по-прежнему шестилетним «саабом». Она интересовалась, и они договорились о встрече в винном баре. Заняв наблюдательную позицию в углу до того, как появилась она, Хо в течение часа смотрел, как росло ее нетерпение и раздражение. У него даже мелькнула мысль подойти к ней, усадить за столик и втолковать, что следует быть более осторожной. Намного. Более. Осторожной. Служебный пропуск на цепочке вокруг шеи? Охренеть! А почему тогда не бейджик «Моя жизнь в вашем распоряжении»? Банковские операции, регулярно посещаемые веб-сайты, исходящие и входящие звонки... Все, что нужно, – имя-фамилия плюс еще одна зацепка. Место работы, например, годилось как нельзя лучше. Коды налогоплательщика, сведения о судимостях, дисконтные карты, сезонные проездные билеты... И дело не столько в том, что все это, помимо прочего, оказывалось как на ладони. Дело в том, что во все это можно вносить изменения. Человек выходит утром из дому с коровьим бубенцом в виде служебного пропуска на шее, и к тому моменту, как прибывает на работу, его жизнь ему больше не принадлежит.

Именно это Родерик Хо хотел бы втолковать девушке.

Хо, разумеется, втолковывать ничего не стал. Он дождался, когда она, вконец отчаявшись, в безмолвном бешенстве покинула заведение, допил безалкогольное пиво и отправился домой, довольный тем, что она теперь была полностью в его распоряжении.

Еще один секрет.

Один из множества.

А сейчас он сидел перед монитором, не обращая внимания на рев и грохот из колонок, даже не моргая. Это было похоже на персональную экскурсию, словно какой-нибудь холуйчик из министерства внутренних дел вел его по коридорам, приглашал в кабинеты, подводил к канцелярским шкафам, услужливо предлагал ключики... «Может быть, сэр желает безалкогольного пивка, пока он тут роется?» Почему нет? Сэр желает.

Хо вытащил банку из прикрученного к столу держателя.

«Мерси, холуйчик».

Он намерился было поменять местами даты рождения нескольких высокопоставленных чинуш, внеся хаос в персональные пенсионные планы, когда его внимание привлекла ссылка на какой-то внешний сайт, с которого он перешел на другой, а с того – на следующий... Удивительно, как быстро пролетает время; когда он оторвался от экрана, на часах была полночь, а сам он был за сотни миль от министерства внутренних дел, разгуливая по цехам малоприметной фабрики пластмасс, чья связь с министерством обороны была тщательно замаскирована. Снова секреты. Это и была его игровая площадка, назначенная судьбой, независимо от того, какой выбор сделали родители. Это его стихия, и он будет копать тут, будто старатель, просеивая горы песка в поисках самородка, до тех пор, пока время не залечит раны.

Но все это было лишь тренировками ради поддержания формы. Все его рыскания по сетевым просторам ни на шаг не приблизили Хо к разгадке тайны, которая по-настоящему не давала ему покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.